

ТАЙФУН

для

ДЕМИДОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АНА ТИХАЯ

Ана Тихая

Тайфун для Демидова

«Автор»

2026

Тихая А.

Тайфун для Демидова / А. Тихая — «Автор», 2026

У Артура Демидова было всё: статус короля премиального автопрома столицы, многомиллионный бизнес и легендарный, железобетонный внутренний дзен. Вывести его из себя не мог никто. До одного дождливого субботнего вечера, когда в крыло его новенького эксклюзивного Pagani сумасшедшая байкерша. Она обозвала его «дядей на барже», посоветовала научиться водить, показала средний палец и растворилась в потоке. Он готов перевернуть всю Москву, чтобы заставить её пожалеть о своей наглости. Таисия по прозвищу Тайфун презирает богатых индюков и живёт скоростью. Ей позарез нужна работа, и удача улыбается ей: её нанимают механиком в лучшую, ультрасовременную кастом-мастерскую города. Работа мечты, огромная зарплата и крутые тачки. Есть только одна крошечная проблема. Тая понятия не имеет, что у этой мастерской один владелец — тот самый «индюк» с Садового кольца. А Артур даже не догадывается, что его главный враг теперь крутит гайки на его суперкарах, пряча свой поцарапанный байк на его же парковке.

© Тихая А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Тайфун для Демидова

Пролог

Артур

Я всегда считал себя человеком, которого невозможно вывести из себя.

Годы работы в премиальном автомобильном бизнесе, общение с капризными олигархами, высокопоставленными чиновниками и восточными шейхами выработали во мне абсолютный, почти буддийский дзен. Мои друзья — Макс Громов и Руслан Воронцов — частенько подшучивали, что в моих жилах течёт не кровь, а высококачественное моторное масло: такое же плотное, холодное и устойчивое к любым перегрузкам. Я умел гасить любые конфликты одной спокойной фразой и ледяным взглядом.

Но это было до сегодняшнего вечера. До того, как на Садовом кольце открылся филиал ада.

Я бережно перестроился в крайний левый ряд, наслаждаясь идеальным, утробным урчанием мотора моего нового Pagani в эксклюзивном цвете «жидкий металл». Я ждал эту машину по спецзаказу долгих полгода. Каждая деталь, каждый шов на кожаных синях выверялись лично под меня. Я забрал её из своего салона всего три дня назад. Три дня абсолютного кайфа и бережной обкатки.

Поток машин плотно замер перед светофором. Я плавно притормозил, держа дистанцию.

И тут этот мирный субботний вечер раскололся на части.

Сзади раздался оглушительный, пронзительный и до боли знакомый любому автомобилисту рёв прямоточного выхлопа. Кто-то нагло и агрессивно шёл в междурядье, заставляя водителей шарахаться в стороны. Я мазнул взглядом по зеркалу заднего вида — матово-чёрный спортбайк Ducati Panigale закладывал такие виражи между бамперами, будто пилот выполнял миссию по спасению человечества, не меньше.

Всё произошло в долю секунды.

Байк поравнялся с моим левым бортом. Вместо того чтобы притормозить на мокром от весеннего дождя асфальте, этот смертник в чёрном экипе резко заложил руль. Раздался хлесткий, душу раздражающий звук — хруст-скрап. Металлическая подножка или руль мотоцикла с мясом прочертили глубокую, уродливую полосу прямо по моему девственно чистому переднему крылу.

Внутри меня словно сорвало какой-то внутренний предохранитель. Мой хваленый дзен испарился, оставив после себя чистую, звенящую ярость.

Я резко врубил паркинг, толкнул тяжёлую дверь и выскочил на асфальт.

— Стоять! — рявкнул я, перекрывая рёв чужого мотора.

Байк затормозил в паре метров впереди. Пилот нехотя опустил одну ногу на асфальт, удерживая равновесие. Глухой чёрный комбинезон, куртка со светоотражающими черепами на спине и шлем. Чёртов шлем с дерзкими, глянцевыми кошачьими ушами на макушке.

Я сделал широкий шаг вперёд, возвышаясь над этой двухколёсной катастрофой. В голове уже крутился чёткий алгоритм: европротокол, фиксация повреждений, вызов ГАИ, страховая. Всё строго по закону. По-человечески.

Но со мной никто не собирался говорить по-человечески.

Тонированное в ноль стекло шлема даже не поднялось. Пилот лишь слегка повернул голову в мою сторону, и из-под пластиковой защиты раздался чистый, звонкий, но пропитанный таким запредельным высокомерием девичий голос, от которого у меня перехватило дыхание:

— Смотри, куда едешь, дядя, если габариты своей баржи не чувствуешь!

Я на секунду потерял дар речи. Дядя?! Баржа?! Мне?! Человеку, который профессионально тестировал спорткары на треках Нюрбургринга, владел сетью элитных автосалонов и только что открыл лучшую мастерскую по ремонту суперкаров в этой стране?!

— Что ты сказала, малявка? — мой голос упал до опасного, ледяного регистра. Я сделал ещё шаг, готовый буквально стащить её с этого сиденья. — Ты только что снесла мне крыло на новой машине. Выкатывайся на обочину, будем оформлять ДТП.

— Ага, разбежалась, уже шнурки завязала, — девица фыркнула, и я прямо физически почувствовал, как она ухмыляется там, за своим глухим стеклом. — Скажи спасибо, что твоё корыто вообще отделалось царапиной. Раскорячился на полторы полосы, водить сначала научись, а потом на дорогу выезжай! Тормоз.

Это было за гранью. Моё терпение лопнуло с громким треском.

— А ну сняла шлем! — я протянул руку, чтобы перехватить её за плечо, но девчонка оказалась быстрее.

Она резко крутанула ручку газа. Мощный Ducati взревел как раненый зверь, обдав мои дорогие брюки и туфли плотным, едким облаком сизого выхлопного дыма. Байк рванул с места, мгновенно проскакивая в узкую щель между замершими машинами.

Но перед тем, как окончательно раствориться в потоке Садового кольца, эта сумасшедшая байкерша подняла левую руку вверх и... чётко, неторопливо показала мне средний палец. Прямо под прицелом моей камеры видеорегистратора.

Я остался стоять посреди дороги, тяжело дыша и сжимая кулаки до хруста в суставах. Воздух вокруг меня, казалось, искрил от напряжения. На моём безупречном Porsche красовалась длинная, глубокая царапина, но ещё более глубокая рана была нанесена моей гордости.

Девчонка-катастрофа. Стихийное бедствие с кошачьими ушами.

— Ну держись, — тихо, сквозь зубы процедил я, глядя вслед улетевшему мотоциклу. — Москва — город маленький. Я найду тебя, малявка. И ты у меня эту царапину языком полировать будешь. Выучишь правила дорожного движения как миленькая.

Я развернулся к машине, на ходу доставая телефон, чтобы набрать начальника своей службы безопасности. Эта наглая кукла на двух колёсах даже не догадывалась, с кем решила поиграть в прятки на дорогах столицы.

Глава 1

Тая

С той проклятой субботы прошло уже почти пять месяцев, а меня до сих пор подкидывало от одной мысли о ней.

Если тот пафосный индюк на новеньком Pagani думал, что его разбитое крыло — это величайшая трагедия в истории столичного автопрома, то ему явно стоило попить успокоительного. Заявил он мне тогда, видите ли, что я водить не умею! «Смотри, куда едешь, дядя, если габариты своей баржи не чувствуешь» — чистая, незамутнённая правда, от которой у него, судя по всему, едва инфаркт не случился прямо на набережной. Я до сих пор в красках помнила, как он буквально позеленел от злости, выкатываясь из своего стерильного, пахнущего салонным пластиком и дорогой кожей автомобиля. Высокий, статный, в безупречном тёмном костюме-тройке, который сидел на нём так идеально, словно его сшили прямо на его теле в каком-нибудь закрытом ателье в Лондоне.

О да, я умею читать людей. Мой личный внутренний радар на человеческие психотипы редко давал сбой — жизнь научила разбираться в тех, кто стоит передо мной, за первые три секунды разговора. Одного взгляда на того господина мне тогда хватило, чтобы составить полный портрет: контролирующий всё и вся самец, альфа-одиночка, привыкший, что мир вокруг него вращается по струнке, а люди заглядывают в рот в ожидании приказов. Гордый, чертовски упрямый, с ледяным, давящим взглядом человека, который в этой жизни вообще никогда не проигрывал.

И тут какая-то девчонка на спортивном байке лёгким движением сносит боковое зеркало и крошит его хваленый дзен, превращая идеальный вечер в юридический кошмар. А на десерт — показывает ему фак прямо в камеру регистратора и улетает в междурядье Садового кольца. Представляю, как у него подгорело. Все эти пять месяцев его служба безопасности наверняка землю носом роет, перетряхивая базы в поисках «наглой малявки». Пусть ищут. Они до сих пор топчутся на месте и не знают даже моего имени. Москва большая, а мой Ducati Panigale умеет растворяться в сумерках быстрее, чем его Pagani наберёт первую сотню.

Но то, что меня не нашли, не отменяло моих личных, вполне земных проблем. Жить на что-то надо было, старые долги сервиса сами себя не закрывали, а висеть на шее у отца я не привыкла.

Я резко затянула резинку, собирая непослушные тёмные волосы в тугой, высокий хвост, и критически посмотрела на своё отражение в крошечном зеркале заднего вида. На меня глядели упрямые карие глаза, на самом дне которых сейчас плясали опасные, азартные искры. Настроение после воспоминаний о той дорожной стычке всё ещё штормило, но сегодня мне нужно было принудительно загнать свой внутренний тайфун в рамки жёсткого самоконтроля.

Сегодня у меня был критически важный день. Мне дозарезу нужна была работа. И не просто какая-нибудь, а очень денежная. Чтобы раз и навсегда разобраться с финансовыми дырами и больше никогда не соваться в нелегальные ночные подработки.

— Ну что, Царёва, — тихо шепнула я сама себе, поправляя воротник выдавшей виды чёрной косухи со светоотражающими черепами. — Пришло время доказать этим лошённым столичным снобам, кто тут на самом деле королева гаечного ключа, поршней и правильного зажигания.

Я заглушила мотор байка на заднем дворе только что открывшегося, суперсовременного тюнинг-центра «DC Tuning» и на секунду замерла, вдыхая прохладный воздух. Это место выглядело как оживший футуристический замок из стекла, глянцевого монолитного бетона и неоновых вывесок. Через огромные панорамные окна ремонтной зоны можно было разглядеть идеальные, до зеркального блеска отполированные полы и боксы, укомплектованные по

последнему слову немецкой и итальянской техники. Здесь на подъёмниках стояли машины, общая стоимость которых могла бы легко перекрыть бюджет какого-нибудь небольшого провинциального городка. Премиум-сегмент. Кастомная Мекка для богачей. Я понятия не имела, какой именно олигарх вбухал сотни миллионов в этот проект, на вывеске красовалось лишь лаконичное и загадочное «DC», но их управляющий вчера по телефону ясно дал понять: им нужен не просто автомеханик, а гений, способный с закрытыми глазами настроить самый сложный кастомный проект. И платить они были готовы столько, что у меня поначалу округлились глаза.

Деньги были нужны мне ещё вчера. Но дело было не только в них. Дело было в железе. В этой безумной, неизлечимой тяге к моторам, которая текла в моих жилах вместо крови с самого детства.

Я ведь выросла среди запаха бензина, трансмиссионного масла и старого, тяжёлого металла. Мой отец, Александр Царёв, всю жизнь держал легендарную в узких кругах мастерскую по реставрации и глубокому ремонту ретро-автомобилей. Он был абсолютным фанатом своего дела, безумцем, который мог провести трое суток под капотом какого-нибудь «Шелби» 1967 года, забыв про еду и сон. И ещё он безумно, до скрежета зубов хотел наследника. Сына. Парня, которому передаст свои уникальные, накопленные десятилетиями знания, свои редкие инструменты и свою фамилию, чтобы тот продолжил династию Царёвых-механиков. Но родилась я. Таисия.

Отец погоревал ровно неделю после моей выписки из роддома, а потом решил, что генетика — штука гибкая, и начал упорно растить из меня того самого сына, о котором мечтал. В итоге я научилась отличать карбюратор от инжектора гораздо раньше, чем выучила правила орфографии. Вместо кукол Барби у меня были поршни от старых «Мустангов» и коленвалы от советских номенклатурных «Чек». Вместо детских сказок отец на ночь читал мне вслух устройство трехступенчатой автоматической коробки передач старого Jaguar E-Туре. Он таскал меня в свой гараж чуть ли не с пелёнок. Я отчётливо помню, как в семь лет, уделанная мазутом по самые уши и с чёрным пятном на носу, гордо протягивала отцу рожковый ключ на двенадцать, а он скупно улыбался, трепал меня по волосам и говорил заходившим коллегам: «Знакомьтесь, это мой Лёшка». Он даже называл меня иногда этим мужским именем, когда слишком увлекался сложной работой. И я ни разу не обижалась. Я обожала эту атмосферу. Обожала магический процесс, когда груда ржавого, мёртвого железа под нашими руками вдруг оживала, взрываясь сытым, утробным рыком первоклассного мотора. Я видела душу в каждой гайке.

А потом всё рухнуло в один момент. Четыре года назад из-за старой, прогнившей советской проводки в нашей мастерской произошёл несчастный случай. Короткое замыкание глубокой ночью, когда никого не было рядом. Пожар был такой страшной силы, что здание, которое отец строил своими руками почти двадцать лет, сгорело дотла всего за пару часов. Вместе с кирпичными стенами в огне погибли три уникальных ретро-автомобиля, которые отец бережно восстанавливал последний год, все редкие инструменты, чертежи и... его душа. Отец просто сломался. Он мгновенно отошёл от дел, постарел за один месяц сразу на десять лет, полностью замкнулся в себе и больше никогда, ни при каких обстоятельствах не подходил к машинам. Для него это стало абсолютным, бесповоротным концом.

А для меня — началом новой, личной эволюции. Оставшись без отцовского гаража, я не смогла бросить технику. Это было выше моих сил. Наоборот, я нашла новое увлечение, которое дарило мне ещё больше адреналина, скорости и свободы — спортивные мотоцикльные системы. Байки стали моей персональной терапией, моим единственным способом сбежать от той глухой, удушающей депрессии, которая мёртвым грузом захлестнула наш дом после пожара. Я сама, по винтику, в одиночку перебрала свой первый разбитый мотоцикл, заработав на него изнурительной раздачей листовок и тяжелыми ночными подработками. Я научилась

понимать физику двух колёс так же идеально, как когда-то понимала капризы старых американских V8.

И вот теперь я стояла перед этим стеклянным дворцом, готовая занять то место, которое заслужила по праву своего таланта.

Спрятав свой Ducati на заднем дворе за массивным мусорным контейнером — от греха подальше, чтобы никто случайно не заметил свежую царапину на пластиковом обтекателе после субботнего тарана Porsche — я подхватила шлем под мышку и уверенно толкнула тяжёлую стеклянную дверь служебного входа.

Внутри ремонтного бокса царил такой идеальный, стерильный порядок, который меня даже немного раздражал. Никакой привычной по отцовскому гаражу мазутной пыли, никаких раскиданных промасленных тряпок. Всё вычищено, как в операционной передового медицинского центра. Навстречу мне ленивой, вальяжной походкой вышел плотный мужчина лет сорока пяти в безупречно чистом фирменном комбинезоне с рацией на поясе. Судя по горделивой осанке и манере смотреть на людей свысока — местный управляющий или технический директор.

Я мгновенно включила свой внутренний сканер, считывая его за доли секунды. Так, Вадим Николаевич. Плечи излишне напряжены, взгляд то и дело испуганно бежит к настенным часам, пальцы нервно постукивают по экрану планшета. Человек старой, жёсткой закалки, жуткий консерватор, который сейчас панически боится облажаться перед вышестоящим руководством. Судя по лёгкой испарине на его лбу, сегодня в центр должен нагрянуть тот самый таинственный большой босс, генеральный владелец всей сети, и Вадим Николаевич из кожи вон лезет, чтобы всё вокруг выглядело идеально. А тут на пороге появляюсь я — ходячий кошмар перфекциониста.

Управляющий окинул меня долгим, полным глубочайшего скепсиса, разочарования и даже брезгливости взглядом. Он медленно прошёлся глазами по моим рваным чёрным джинсам, задержался на потрёпанной кожаной куртке и, наконец, уставился на матово-чёрный шлем с кошачьими ушами у меня в руке. На его лице так и читалось: «Что это за неформалка припёрлась в моё стерильное королевство?»

— Девушка, вы боксом ошиблись, — хмуро буркнул он, даже не пытаясь скрыть своего раздражения. — Клиентская зона, мягкие кожаные диванчики, бесплатный кофе и Wi-Fi — с главного входа через центральный ресепшен. Посторонним в ремонтную зону заходить строго запрещено. У нас тут слишком дорогая техника, чтобы устраивать здесь экскурсии.

— Я не посторонняя, Вадим Николаевич, — я приветливо, но максимально твёрдо улыбнулась, делая уверенный шаг вперёд и протягивая ему папку со своим распечатанным резюме. — Я Таисия Александровна Царёва. Мы созванивались с вами вчера вечером, и вы лично назначили мне собеседование на должность старшего механика по кастомной настройке двигателей и сложной технической диагностике.

Мужчина замер на месте, словно вкопанный. Его брови поползли вверх с такой скоростью, что едва не скрылись под козырьком фирменной кепки. Он буквально выхватил у меня из рук лист бумаги, вчитываясь в печатные строки так, словно искал там скрытый подвох или водяные знаки фальшивомонетчиков.

— Ты?! Царёва?! — он перевёл взгляд с резюме на меня, затем снова на лист, нервно сглотнув. — Подожди... В анкете было чётко написано: «Т. А. Царёва, три года стажа в профессиональной гоночной команде, диплом инженера-моториста Бауманки с отличием, рекомендации от ведущих кастом-ателье страны». Я ждал мужика! Толика какого-нибудь, Томаса или Тараса! Что за глупые шутки? Мне нужен высококласный профессионал, который может перебрать самый сложный движок суперкара вслепую, по звуку, а не... малолетняя девочка-промоутер из автосалона!

О, как предсказуемо. Банальный, дремучий мужской шовинизм, густо замешанный на страхе перед грозным начальством. Я почувствовала, как внутри меня начинает медленно, но верно разворачиваться тот самый Тайфун, который обычно заканчивался для моих оппонентов полным и безоговорочным ментальным разгромом.

— Извините, что так жестоко разочаровала вас отсутствием сорокалетнего стажа, бороды и пивного живота, Вадим Николаевич, — произнесла я с леденящей, приторной вежливостью, спокойно скрестив руки на груди. — Но уверяю вас, законы физики и крутящий момент у форсированного двигателя внутреннего сгорания никак не меняются от того, какими руками затягивать гайки — мужскими или женскими. Мой диплом абсолютно реален, мой стаж — тоже, можете позвонить старшему тренеру гоночной команды прямо сейчас. Если вам нужен человек, который умеет слушать железо и находить проблемы там, где ваши хваленые компьютерные стенды бессильно моргают датчиками, то вы смотрите прямо на него. Будем дальше тратить драгоценное время на ваши гендерные стереотипы, или вы всё-таки устроите мне реальный тест на профпригодность?

Мой дерзкий выпад попал точно в цель. Управляющий заметно насупил, его мужское эго было глубоко уязвлено, но в то же время в его глазах промелькнул чисто шкурный, практический интерес. Он явно вспомнил про какую-то серьёзную техническую проблему, которая висела над ним дамокловым мечом прямо перед визитом таинственного владельца центра. Он хищно прищурился, оценивая степень моей наглости, а затем резко развернулся на пятках и указал рукой в глубь самого просторного, центрального бокса.

Там, на мощном гидравлическом подъёмнике, вывешенный наполовину, стоял роскошный, хищный кузов ярко-жёлтого Lamborghini Aventador. Вокруг открытого моторного отсека с унылыми, замученными и серыми минами крутились двое парней в фирменных комбинезонах, буквально обвешанные горой диагностических приборов, кабелей и открытых ноутбуков.

— Хорошо, Царёва. Раз уж ты тут так уверенно поёшь соловьём, держи свой тест на прочность, — Вадим Николаевич злорадно ухмыльнулся, сделав шаг к машине и победно посмотрев на меня. — Этот «Авентадор» принадлежит очень непростому и крайне влиятельному человеку в этой столице. Завтра утром машину нужно отдавать лично в руки. Клиент жалуется на плавающие обороты строго после трёх с половиной тысяч и странный, едва заметный металлический цокот в районе правого блока цилиндров. Самое паскудное, что появляется этот звук строго на горячую, минут через двадцать после интенсивной езды по треку. Мои лучшие специалисты, парни с высшим профильным образованием, бьются над этой загадкой со вчерашнего дня. Компьютерная диагностика молчит как партизан на допросе, все электронные показатели в абсолютном идеале, ошибок по блокам управления нет вообще. Проводка целая.

Он остановился прямо напротив меня, вернув лицу маску превосходства, и демонстративно посмотрел на свои дорогие часы:

— Даю тебе ровно пятнадцать минут, Царёва. Найдёшь истинную причину поломки — я лично поговорю с владельцем центра о твоём официальном контракте и баснословном окладе с кучей бонусов. Не найдёшь — забираешь свой дурацкий шлем с кошачьими ушами и выкатываешься отсюда так, чтобы я твоего лица в радиусе километра больше не видел. Время пошло.

Я дерзко, во весь рот ухмыльнулась, обнажая ровные зубы. Пятнадцать минут на капризный итальянский V12 от Ламборгини, над технической документацией которого плачут дипломированные специалисты в официальных сервисах? Серьёзно? Да это же был лучший подарок, который этот консерватор мог мне сделать на старте. Обычная задачка на логику и понимание теплового расширения металлов.

— Пятнадцать минут? — я неторопливо подошла к ближайшему чистому верстаку, аккуратно поставила на него свой шлем и начала неспешно стягивать тяжёлую кожаную косуху, оставив её рядом. Я осталась в одной простой чёрной майке, которая полностью открывала мою татуировку в виде стилизованного гоночного поршня на правом предплечье. — Вадим

Николаевич, не смешите мои седые локоны. Мне хватит пяти. Парни, заводите аппарат, прогревайте движок до полной рабочей температуры. И принесите мне обычный, старый механический стетоскоп. Живо.

Механики у машины удивленно переглянулись, но, поймав свирепый, обещающий все кары небесные взгляд управляющего, один из них тут же метнулся к металлическому шкафу с инструментами. Через минуту бокс заполнился диким, породистым, оглушительным и раскатистым рыком итальянского суперкара. Двигатель прогревался, заполняя всё пространство вокруг нас мощной вибрацией, от которой у меня по коже побежали приятные, такие знакомые с детства мурашки.

Звук двенадцатицилиндрового мотора Ламборгини — это не просто шум, это чистая, первобытная симфония силы. Когда один из парней нажал на педаль газа, бетонный бокс задрожал от плотного, вибрирующего баса. Звук эхом отразился от высоких потолков мастерской. Я зажмурилась на секунду, впитывая этот рокот кожей, настраивая слух на нужную волну. Отец всегда говорил: «Машина не врет, Лёшка. Компьютер видит только цифры, а металл всегда плачет, если ему больно. Надо просто уметь слушать».

Я надела наушники механического стетоскопа, плотно прижав металлический шуп к ладони, чтобы проверить чувствительность, и шагнула к ревущему жёлтому монстру. Два местных механика — судя по вышивкам на комбинезонах, их звали Костя и Дэн — смотрели на меня как на умалишённую. В их глазах читалось снисходительное: «Ну давай, девочка, поиграй в мастера, пока Вадим Николаевич не выкинул тебя за шкирку».

— Костя, прыгай за руль, — скомандовала я, перекрывая рев мотора и указывая пальцем на открытую дверь салона. — Держи две тысячи оборотов. Плавно поднимай до трех с половиной, как только я подам знак. Дэн, фонарь мне в правую зону, быстро.

Парень за рулем вопросительно глянул на управляющего. Вадим Николаевич, скрестив руки на груди, едва заметно кивнул, продолжая гипнотизировать взглядом свои часы. Время шло. Пятнадцать минут — это чертовски мало для Ламборгини, но для Царёвой — вполне достаточно, чтобы устроить маленькую техническую революцию.

Я наклонилась над горячим, дышащим жаром моторным отсеком. Металлический шуп стетоскопа плавно коснулся головки блока цилиндров. В уши ударил оглушительный, ритмичный стук клапанов, работающих в идеальном синхроне. Я вела шуп дальше, миллиметр за миллиметром, закрыв глаза и полностью отключаясь от внешнего мира. Исчез стерильный бокс, исчез надутый управляющий, исчезли парни. Остался только внутренний лабиринт сложнейшего итальянского двигателя.

Левый блок — чисто. Звук ровный, масляная плёнка отработывает как надо. Перевела прибор на правый блок.

— Костя, давай три с половиной тысячи! — крикнула я, не открывая глаз.

Тональность мотора мгновенно изменилась, превращаясь в яростный, пронзительный визг взлетающего истребителя. И вот тут, на самом пике, сквозь благородный рык, я его услышала. Едва уловимый, дробный, сухой металлический цокот. Тик-тик-тик-тик. Словно крошечный кузнечик застрял в камере сгорания. И одновременно с этим стрелка тахометра на приборной панели, которую я видела боковым зрением, начала едва заметно подергиваться, словно в лихорадке. Обороты поплыли.

— Держи! Не бросай газ! — крикнула я Косте.

Я перевела шуп стетоскопа ближе к задней части головки цилиндров, туда, где располагались электромагнитные клапаны управления системой изменения фаз газораспределения. Цокот заклинившего элемента усилился, превращаясь в отчетливый металлический зуд.

Я ухмыльнулась. Всё оказалось настолько банально и красиво, что мне захотелось рассмеяться. Я сняла наушники, вешая их на шею, и победно посмотрела на Вадима Николаевича. На часах управляющего прошло ровно четыре минуты и сорок секунд.

— Глуши аппарат, — махнула я рукой Косте.

Мотор послушно затих, оставив после себя звенящую тишину и легкий запах раскаленного металла. Механики выжидательно уставились на меня, а управляющий сделал шаг вперед, криво усмехаясь:

— Ну что, Царёва. Время вышло. И каков твой вердикт? Напомню, электроника показывает, что все системы работают штатно.

— Ваша электроника, Вадим Николаевич, видит только электрическое сопротивление цепи, — спокойно ответила я, вытирая руки заранее прихваченной ветошью. — Компьютер посылает сигнал на соленоид фазовращателя правого вала, соленоид отвечает: «Я в порядке, импульс принял». Для мозгов машины всё идеально. Но компьютер не видит чистую механику.

Я подошла ближе к управляющему, всю пользуясь своим умением просчитывать людей. Сейчас на его лице боролись две эмоции: профессиональное недоверие и паническая надежда на то, что эта наглая девчонка действительно нашла проблему, из-за которой его завтра может сместить с грязью генеральный директор.

— И в чем же проблема? Говори конкретно, не зубы заговаривай, — поторопил он меня, но в голосе уже не было прежнего льда.

— Конкретно? В правом блоке стоит неоригинальный, либо бракованный электромагнитный клапан VVT, — я ткнула пальцем в сторону мотора. — Скорее всего, его меняли совсем недавно. При нагреве двигателя до рабочей температуры алюминиевый корпус этого клапана расширяется на микроны сильнее, чем стальной внутренний плунжер. Из-за разницы температур плунжер начинает банально подклинивать в нагретом канале. Он застревает в промежуточном положении. Отсюда этот цокот — клапан пытается пробить заклинивший шток. И отсюда плавающие обороты: фазовращатель не получает нужного объема масла, фазы ГРМ начинают хаотично смещаться, а бортовой компьютер пытается выровнять смесь, из-за чего тахометр и сходит с ума.

В боксе воцарилась мертвая тишина. Механики Дэн и Костя стояли с приоткрытыми ртами. Дэн медленно повернулся к ноутбуку, быстро застучал по клавишам, поднимая историю обслуживания этой конкретной Ламборгини.

— Слышь, Николаич... — хрипло выдохнул парень, не веря собственным глазам. — Она права. Три недели назад клиент менял этот клапан в питерском сервисе. По документам поставили оригинал, но... походу, нарвались на качественную реплику. Партия бракованная.

Вадим Николаевич медленно перевел взгляд с экрана ноутбука на меня. Его плечи заметно расслабились, испарина на лбу высохла, а в глазах появилось такое выражение, словно я только что лично вытащила его из петли. Я видела его насквозь: сейчас он соображал, как преподнесет эту победу высшему руководству. «Я нашел! Мой сервис исправил!». Что ж, пусть тешит свое эго, мне не жалко. Главное — контракт.

— Ну надо же... — управляющий кашлянул, пытаясь вернуть себе строгий, начальственный вид, хотя выходило у него паршиво. — На удивление... грамотный анализ, Царёва. Признано. Нам действительно нужен специалист с таким... нетрадиционным подходом к диагностике.

— Так что там насчет контракта и баснословного оклада, Вадим Николаевич? — я приподняла бровь, скрестив руки на груди и открыто демонстрируя, кто здесь выиграл этот раунд. — Пяти минут, как я и обещала, вполне хватило.

— Контракт будет, — поспешно кивнул он, окончательно меняя тон на дружелюбный. — Оклад обсудим прямо сейчас у меня в кабинете. Оформим тебя как ведущего инженера-моториста экспериментального цеха. Пошли, бумаги подпишем, пока...

Договорить управляющий не успел.

Тяжелые, бронированные стеклянные ворота центрального въезда со стороны кастом-зоны начали медленно, с тихим жужжанием разъезжаться в стороны. В бокс ворвался поток

свежего воздуха, а вместе с ним — тяжелый, хищный и невероятно дорогой рокот. На чистейший наливной пол мастерской плавно закатился матово-черный суперкар.

Атмосфера в боксе изменилась в долю секунды. Механики мгновенно выпрямились по струнке, побросав инструменты. Вадим Николаевич побледнел, судорожно втянул живот и суетливо поправил козырек своей кепки, превращаясь из грозного начальника в преданного слугу.

— Сам приехал... — едва слышно прошептал управляющий, семенящим шагом направляясь к остановившейся машине. — На полчаса раньше графика. Господи, хоть бы с Ламборгини всё гладко прошло...

Дверь премиального суперкара плавно взмыла вверх, открывая обзор на салон из углепластика и дорогой кожи. Из машины неторопливо выбрался мужчина. Высокий, статный, широкоплечий. На нём был безупречный черный костюм-тройка, белоснежная рубашка с расстегнутой верхней пуговицей и дорогие часы, блеснувшие под неоновыми лампами бокса. Его движения были наполнены ленивой, хищной грацией человека, который владеет этим миром по праву рождения.

Я замерла у верстака, чувствуя, как у меня внутри всё резко обрывается и летит в какую-то бездонную пропасть. Мой внутренний радар на людей выдал критическую ошибку и полностью заблокировался.

Этого не могло быть. Это была какая-то дурацкая, сюрреалистичная шутка вселенной.

Пара секунд, плотный темный силуэт разворачивается к свету, и я узнаю этот жесткий, идеально очерченный профиль, легкую трехдневную щетину и эти ледяные, пронзительные глаза.

Это был он. Тот самый пафосный индюк на Porsche с Садового кольца. Пострадавший владелец поцарапанного крыла. Человек, которому я три дня назад показала средний палец и улетела в закат. И судя по тому, как перед ним лебезил Вадим Николаевич, этот индюк и был тем самым таинственным, великим и ужасным генеральным владельцем всей элитной сети тюнинг-центров «DC Tuning». Демидов. Артур Демидов.

— Вадим, добрый день, — раздался по боксу тот самый глубокий, холодный баритон, от которого у меня на дороге перехватило дыхание. — Что у нас с Aventador? Клиент заберет машину завтра утром, я обещал, что всё будет готово.

— Артур Владимирович! Всё в лучшем виде, проблему нашли, устраняем! — подобострастно отрапортовал управляющий, подлетая к боссу. — Буквально пять минут назад локализовали брак клапана VVT...

Я инстинктивно сделала шаг назад, пытаясь скрыться за широким корпусом жёлтой Ламборгини. Сердце в груди устроило бешеную чечетку. Если он меня сейчас узнает — моему контракту, моей карьере и моей спокойной жизни в этой столице наступит мгновенный и очень громкий капец. Скрыть лицо? Чем? Шлем остался на верстаке!

Артур Демидов медленно кивнул, слушая отчет Вадима Николаевича, и его ледяной, сканирующий взгляд начал лениво скользить по помещению мастерской. Он осматривал свои боксы с видом абсолютного хозяина.

Я затаила дыхание, сжавшись за крылом машины. Его взгляд прошел мимо меня, не зацепив — я удачно спряталась в тени подъемника. Я уже почти выдохнула, решив, что пронеслась гроза...

Но тут Демидов резко остановился. Его глаза сузились, а лицо за долю секунды превратилось в каменную маску, на скулах заходили жесткие желваки.

Он смотрел прямо на центральный верстак. Туда, где прямо под яркой неоновой лампой, абсолютно демонстративно и нагло, покоился мой матово-черный мотоциклетный шлем.

С теми самыми дерзкими, глянцевыми кошачьими ушами на макушке.

Глава 2

В эту секунду я поняла, что у человеческого сердца есть скрытый режим «отбойный молоток». Оно колотилось в рёбра с такой бешеной скоростью, что, казалось, Демидов мог услышать его даже сквозь остаточный гул остывающего мотора Ламборгини.

Артур медленно, хищно двинулся в сторону верстака. Каждый его шаг в этих идеально начищенных туфлях звучал для меня как обратный отсчёт на бомбе. Его ледяные глаза были намертво прикованы к несчастным кошачьим ушам на моём шлеме. В его позе читалось такое предвкушение скорой расправы, что мне физически захотелось залезть внутрь выхлопной трубы Aventador и прикинуться катализатором.

Вадим Николаевич угодливо семенил следом, что-то быстро лепетал про закупки оригинальных запчастей из Германии, но Демидов его не слышал. Он был полностью сосредоточен на своей добыче. Ещё пара метров, он повернёт голову в сторону подъемника, увидит меня в одной майке и с татуировкой поршня — и всё. Финита ля комедия, Царёва. Пакуй чемоданы, уезжай обратно в свой гараж к сломанным карбюраторам.

И тут вселенная решила, что уничтожить меня во второй же главе как-то негуманно.

В кармане безупречного пиджака Демидова глухо, но настойчиво запел телефон. Рингтон был стандартным, но Артур замер как вкопанный всего в двух шагах от моего шлема. На секунду он раздражённо прикрыл глаза, его челюсть упрямо сжалась, а дзен, который я так успешно пробила на Садовом, явно дал очередную трещину.

Он достал мобильный, скользнул взглядом по экрану, и я увидела, как его плечи едва заметно напряглись.

— Да, Руслан, — глубоким, деловым тоном ответил Артур, разворачиваясь спиной к верстаку и делая несколько шагов в сторону панорамного окна. — Я в новом центре. Что у тебя? Да... Нет, Громов ещё на связи, мы обсуждали это утром. Какая налоговая? Пусть Воронцов лично поднимет документы по юрилице, я буду в офисе через два часа и сам всё подпишу.

Судя по его тону, у кого-то из его деловых партнёров случился дикий аврал, требующий немедленного включения этого «короля автопрома».

Я поняла: это мой единственный, уникальный и, возможно, последний шанс выжить. Контролировать — контролируй, дядя, а у Тайфуна свои правила.

Я тенью выскользнула из-за жёлтого крыла Ламборгини. Мои кеды бесшумно коснулись наливного пола. Вадим Николаевич стоял спиной ко мне, преданно заглядывая в рот говорящему по телефону боссу. Механики Дэн и Костя вообще застыли у компьютера, боясь лишний раз вздохнуть в присутствии генерального.

В три бесшумных прыжка я преодолела расстояние до верстака. Сердце сделало кульбит, когда моя рука перехватила матовую дужку шлема. Схватила косуху, шлем — и обратно, в спасительную тень подъемника. Мгновение — и я запикиваю свой громоздкий талисман на самую нижнюю полку глухого металлического шкафа с инструментами, прямо за тяжелые коробки с новыми тормозными дисками, и с тихим щелчком прикрываю дверцу. Косуху натягиваю на плечи, застегивая до самого подбородка. Быстро мажу пальцами по щеке, пачкая её остатками мазута с ветоши (для маскировки), и делаю максимально невозмутимый, уставший вид человека, который просто очень долго крутил гайки.

— ...всё, Руслан, буду вовремя. Давай, — Демидов резко нажал отбой и спрятал телефон в карман.

Он развернулся обратно к верстаку, собираясь, видимо, взять шлем в руки, чтобы начать допрос управляющего... и замер.

Его взгляд упёрся в абсолютно пустую, идеально чистую деревянную поверхность верстака.

Надо было видеть его лицо в этот момент. Лощёный, непробиваемый Артур Демидов моргнул раз, другой, словно проверял, не начались ли у него галлюцинации от переутомления. Он даже сделал шаг вперёд и заглянул за верстак, видимо, думая, что шлем с ушами сдуло ветром из ворот. Но шлема не было.

— Вадим, — голос Демидова упал до опасного, звенящего ультразвука. Он медленно повернулся к управляющему. — Где он?

— К-кто, Артур Владимирович? — заикнулся Вадим Николаевич, испуганно моргая.

— Шлем. Матово-чёрный мотоциклетный шлем. С кошачьими ушами. Он стоял здесь секунду назад. Прямо на этом месте, — Артур ткнул пальцем в пустой верстак, и его ледяной взгляд начал медленно наливать яростью.

Управляющий посмотрел на верстак, потом на Демидова, потом снова на верстак. На его лице отразился такой искренний, незамутнённый испуг, что мне почти стало его жалко. Он ведь действительно не видел, как я утащила шлем!

— Артур Владимирович... помилуйте, какой шлем? — Вадим Николаевич нервно сглотнул, вытирая испарину. — Здесь... здесь ничего не стояло. Мы же к вашему приезду всё вычистили, стерильность полная. Парни, вы видели какой-нибудь шлем?

Костя и Дэн синхронно и испуганно замотали головами.

Демидов глубоко вздохнул, его пальцы сжались в кулаки, а челюсть заходила желваками. Он явно начал сомневаться в собственной адекватности. Я поняла: пора выходить из тени и добивать этого тирана его же оружием. Психология — великая вещь. Если все вокруг говорят, что ты дурак, ты волей-неволей начнешь в это верить.

Я уверенно шагнула вперед из-за Ламборгини, вытирая руки грязной тряпкой и слегка прихрамывая для пущей убедительности.

— Вадим Николаевич, я закончила с диагностикой, — громко, звонко произнесла я, привлекая к себе внимание. — Ошибку парням расписала, историю по Питеру они подтвердили. Мы можем идти подписывать контракт?

Артур Демидов резко, всем корпусом развернулся на мой голос. Его сканирующий взгляд мгновенно прошёл меня насквозь — от растрёпанного хвоста до грязной щеки и рваных джинсов. Я замерла, удерживая на лице маску абсолютной профессиональной невозмутимости и лёгкой девичьей усталости. Ни один мускул не должен дрогнуть. На Садовом я была в глухом шлеме, куртке со светоотражающими черепами (которые сейчас были скрыты под складками, пока я стояла лицом к нему) и говорила изменённым защитой голосом. Сейчас я — просто чумазый механик Царёва.

— Это ещё кто? — процедил Демидов, сузив глаза и продолжая рассматривать меня с каким-то странным, подозрительным прищуром. На его внутреннем радаре явно что-то мигало, но сопоставить картинку до конца он не мог.

— Это Таисия Александровна Царёва, Артур Владимирович! — радостно подхватил управляющий, обрадованный возможностью перевести тему со странного исчезающего шлема. — Наш новый ведущий инженер-моторист! Гений, а не девчонка! За пять минут нашла проблему в Aventador, которую компьютер не видел! На слух определила подклинивание клапана VVT при тепловом расширении! Она ретро-машины с пелёнок перебирала, у её отца...

— Царёва, значит? — перебил его Демидов, проигнорировав все дифирамбы. Он сделал два шага ко мне, возвышаясь надо мной своей безупречной фигурой в дорогом костюме. От него пахло элитным парфюмом, кожей и тем самым опасным контролем.

— Скажи мне, Царёва... Ты на чём сюда приехала?

— На метро, Артур Владимирович, — глазом не моргнув, соврала я, глядя ему прямо в глаза с самым невинным видом, на какой была способна. — Пешком от станции, тут минут десять дворами. А что?

— И у тебя нет мотоцикла? — его голос стал тихим, вкрадчивым, похожим на шаги дикой кошки перед прыжком. — Черного такого. Скоростного.

Я удивлённо приподняла бровь, изобразив на лице искреннее недоумение, смешанное с легкой иронией:

— Мотоцикла? У меня? Вы шутите? Артур Владимирович, я, конечно, люблю копаться в мощных движках, но двухколёсный транспорт — это же самоубийство на наших дорогах. Там ведь сплошные смертники ездят. Буквально вчера в новостях показывали, как какая-то сумасшедшая байкерша на Ducati крыло Porsche срубила и скрылась. Дикие люди, тормоза полные. Я предпочитаю крепкий, надежный общественный транспорт. Или четыре колеса со всеми подушками безопасности.

Вадим Николаевич сзади согласно закивал, а у Демидова на мгновение дрогнул левый глаз. Моя неприкрытая, наглая ложь про «сумасшедшую байкершу» и «тормозов» попала в его незажившую рану на гордости с точностью лазерного наведения.

Он смотрел на меня ещё секунд десять — долгих, тяжелых, наполненных чистым электрическим напряжением. Он явно искал подвох. Мой радар кричал, что этот мужчина не успокоится, пока не докопается до сути, но прямо сейчас у него не было ни единой улики. Шлем исчез, девица перед ним — чумазый инженер из Бауманки, цитирующая технические регламенты и ругающая байкеров.

— Ладно, — наконец сухо обронил Демидов, отступая на шаг и поправляя манжеты рубашки. — Вадим, оформляй её. Раз она действительно так хороша в диагностике, пусть работает. Нам нужны люди, умеющие думать головой. Но если я замечу в этом боксе хоть один мотоциклетный болт... уволю обоих в ту же секунду. Ты меня понял?

— Абсолютно, Артур Владимирович! Всё под контролем! — заверил управляющий.

Демидов ещё раз мазнул по мне своим ледяным взглядом, развернулся и стремительной, хищной походкой направился к своей машине. Дверь закрылась, мотор взревел, и суперкар покинул бокс.

Я медленно, без сил опустила на край верстака, чувствуя, как по спине катится холодный пот.

— Пронесло... — тихо выдохнула я.

Первый раунд остался за Тайфуном. Но что-то мне подсказывало, что работать в «DC Tuning» под носом у этого вьедливого босса будет похоже на прогулку по минному полю без миноискателя. И это будет чертовски весело.

— Ну, Таисия Александровна, добро пожаловать в команду, — Вадим Николаевич с видимым облегчением размашисто шлёпнул тяжёлую печать на мой экземпляр трудового договора.

Оклад, который он мне выписал, заставил моё сердце пропустить удар. На эти деньги можно было не просто спокойно жить, но и начать потихоньку откладывать на осуществление моей самой заветной мечты — восстановление отцовского дела. Управляющий ещё минут десять нудно зачитывал мне правила внутреннего распорядка, но я почти не слушала. Все мои мысли были сосредоточены на одном: как незаметно выкатить мой Ducati Panigale с заднего двора тюнинг-центра и не попасться на глаза охране.

Шлем с кошачьими ушами я пока оставила в металлическом шкафу — от греха подальше. Заберу завтра, на первую официальную смену. Но уезжать без защиты на мотоцикле я, разумеется, не собиралась. К счастью, у Кости в боксе нашёлся старый, глухой чёрный шлем-интеграл с тёмным тонированным визором. Обычный, потрёпанный, без каких-либо опознавательных знаков. Пообещав вернуть его завтра утром, я натянула его на голову, полностью скрывая лицо, завела свой Ducati и дворами, минуя главные ворота, выкатилась на полупустые московские улицы.

Сумерки постепенно сгущались над столицей, зажигая неоновые вывески и цепочки автомобильных фар. Скорость всегда действовала на меня как лучшее успокоительное. Прохладный вечерний воздух бил в грудь, выветривая из головы остатки дневного стресса. Я проехала пару километров, расслабляясь и ловя ритм города, как вдруг мой внутренний радар тревожно запеленговал чужое присутствие.

На первом светофоре я мельком глянула в зеркало заднего вида. Ничего необычного, плотный поток машин. Но на втором светофоре, уже через три квартала, картинка повторилась. Чуть позади, уверенно перестраиваясь из ряда в ряд вслед за мной, шёл хищный, матово-чёрный силуэт премиального суперкара.

Сердце мгновенно подпрыгнуло к горлу, а в венах закипел чистый, неразбавленный адреналин.

Эту машину я бы узнала из тысячи. Pagani Артура Демидова.

Он ехал за мной. Не включал мигалки, не пытался прижать к обочине — просто шёл по пятам, словно матёрый волкодав, выслеживающий добычу. И в эту секунду я всё поняла. Его изошрённый, контролирующий мозг не поверил в сказки про метро! Он выехал из центра, заметил на дороге чёрный Ducati и теперь шёл следом, чтобы лично проверить свою догадку. Но из-за чужого, глухого шлема он всё ещё сомневался, та ли это девчонка с Садового кольца или просто случайный байкер.

Страх? О нет. Вместо страха во мне с новой силой разразился такой дикий, азартный Тайфун, что под защитным стеклом шлема сама собой появилась шальная улыбка. Меня буквально накрыла волна эйфории.

Почему мне так чертовски хотелось его проучить? Да потому что еще два часа назад в кабинете управляющего этот высокомерный столичный мажор смотрел на меня как на пустое место. Он был так непоколебимо уверен в собственной неотразимости и власти, так привык, что все вокруг заглядывают ему в рот и беспрекословно подчиняются, что его снисходительный тон до сих пор стоял у меня поперек горла. Ему казалось, что он может контролировать всё и вся, включая меня и мою жизнь. Ну уж нет. До безумия хотелось сбить эту спесь с холеного красавчика и доказать, что на дороге его статус и миллионы не значат ровным счетом ничего. И пока на мне этот глухой шлем, я для него — неуловимый призрак, который имеет полное право играть не по правилам.

Я намеренно сбросила скорость, позволяя ему подобраться ближе. Перестроилась в правый ряд, уходя на широкую, хорошо освещённую улицу, и остановилась на очередном запрещающем сигнале светофора.

Матово-чёрная Pagani мягко, бесшумно, словно хищник, подкатилась следом и встала в соседнем ряду — ровно бок в бок с моим Ducati.

Я медленно повернула голову. Стекло суперкара было опущено. Артур сидел, крепко сжав пальцами руль, обтянутый дорогой замшей. Его профиль казался высеченным из мрамора, а ледяной взгляд через открытое окно буравил мой глухой чёрный визор. Он пытался рассмотреть лицо сквозь тонировку. Он ждал зелёного, чтобы зажать меня на перекрёстке и заставить снять шлем.

Ну уж нет, дорогой босс. Играть мы будем по моим правилам.

Я качнула байк влево, подъезжая к его суперкару вплотную, почти вплитрку. И прежде чем Демидов успел хоть как-то среагировать, я... вытянула левую ногу и с лёгким, дерзким стуком поставила подошву своего тяжёлого армейского ботинка прямо на безупречный, сияющий лаком порог его баснословно дорогой тачки. Ловкий, издевательский упор, фиксирующий меня на месте.

Артур резко повернулся. Его глаза округлились от такой невиданной, запредельной наглости. Лощёный бизнесмен на секунду потерял дар речи, глядя на мою грязную подошву, попирающую его кастомный углепластик.

Я слегка приоткрыла визор — ровно настолько, чтобы он слышал мой голос, но не разглядел лица в наступающих сумерках — весело ухмыльнулась и громко, отчётливо перекрывая рокот моторов, бросила:

— Глотай пыль, дядя!

Светофор вспыхнул зелёным. В ту же микросекунду я с хлопком опустила визор и до упора выкрутила ручку газа. Ducati Panigale взревел раненым зверем, вставая на заднее колесо, и пулей выстрелил вперёд, оставляя позади шлейф из запаха жжёной резины и городского дыма.

И уже отрываясь от него на добрый десяток метров, я, даже не оборачиваясь, вскинула левую руку вверх и напоследок показала ему тот самый, фирменный, идеально ровный жест со средним пальцем.

В зеркалах заднего вида я успела заметить, как Pagani Демидова с диким буксом сорвалась с места, бросаясь в погоню, но было поздно. В плотном вечернем потоке у неповоротливого, широкого суперкара не было ни единого шанса против моего юркого Тайфуна. Я заложила крутой вираж, уходя в узкий переулок, и растворилась в темноте московских улиц.

Раунд номер два, Артур Владимирович. Увидимся завтра на работе.

Глава 3

Утро началось с кофейного эрзаца из автомата и стойкого ощущения, что сегодня меня будут убивать. Возможно, медленно. Возможно, посадив на капот какого-нибудь раритетного Мустанга.

К восьми утра я уже была в боксе «DC Tuning». Костин шлем, ставший вчера моим пропуском в мир безнаказанного адреналина, я честно вернула владельцу, выслушав короткую лекцию о том, что «за такие царапины на визоре в следующий раз отработаю сверхурочно». Переодевшись в рабочую робу — свободные тёмные штаны и плотную футболку, — я первым делом направилась к заветному металлическому шкафу.

Сердце предательски ёкнуло, когда я потянула за ручку. Тормозные диски на месте, коробки с колодками тоже... А вот матово-чёрного шлема с кошачьими ушами на нижней полке не было.

У меня внутри всё похолодело. Неужели Демидов ночью вернулся? Или Вадим Николаевич провёл ревизию?

— Царёва! — над ухом громом раздался голос управляющего, отчего я едва не подпрыгнула, затылком чуть не сосчитав полки. — Чего застыла у металлолома? Живо в седьмой бокс, там клиент пригнал Porsche 911 Turbo S. Жалуется на плавающие обороты после трёх тысяч. Разберись, пока генеральный не приехал.

— А... да, Вадим Николаевич. Уже бегу, — я захлопнула дверцу шкафа, пытаюсь унять дрожь в руках.

Исчезновение шлема пугало, но работа лечила любые страхи. Стоило мне оказаться один на один с оппозитным шестицилиндровым движком Porsche, как весь внешний мир перестал существовать. Я подключила сканер, скинула защитные кожухи и с головой ушла в цифры, графики и родной, успокаивающий запах моторного масла. Проблема оказалась классической для любителей «дать угла» на холодную — заклинивший клапан вентилей на левой турбине.

Я так увлеклась процессом, орудуя ключом и напевая под нос какую-то рок-дичь, что совершенно потеряла счёт времени. И, как выяснилось, потеряла бдительность.

— Давно в Бауманке учат ремонтировать турбины с помощью матерных песен, Царёва? — раздался сзади низкий, бархатный и до ужаса знакомый голос.

Я резко разогнулась, едва не выронив трещотку.

Артур Демидов стоял у входа в бокс, небрежно оперевшись плечом о косяк. Сегодня на нём был тёмно-серый костюм-двойка и белоснежная рубашка без галстука — верхняя пуговица расстёгнута, рукава слегка подвёрнуты. Он выглядел безупречно, дорого и... опасно. На его лице не было и следа вчерашней растерянности. Напротив, ледяные глаза смотрели на меня с таким весёлым, торжествующим прищуром, что у меня по спине пробежал табун мурашек.

— Артур Владимирович, — я кашлянула, спешно вытирая ладони ветошью. — Доброе утро. Не знала, что вы лично инспектируете ремонтную зону.

— Я инспектирую исключительно те объекты, которые вызывают у меня повышенный интерес, — он медленно двинулся в мою сторону. Шаг, ещё один. Он остановился в полуметре, заставив меня задрать голову. От него снова пахло этим умопомрачительным парфюмом, кожей и... угрозой.

Артур чуть наклонился ко мне, так что я могла разглядеть каждую темную ресничку в его глазах.

— Знаешь, Царёва, я сегодня ночью почти не спал. Всё думал о том, как тесен этот мир. Пять месяцев назад одна сумасшедшая девица на Ducati разнесла мне крыло на Садовом кольце и скрылась в тумане. Я тогда пообещал себе, что найду её, чего бы мне это ни стоило. А вчера вечером, буквально через полчаса после того, как я уехал из этого сервиса, какой-

то наглый байкер на точно таком же Ducati Panigale притирается к моей Pagani на светофоре, ставит свой грязный армейский ботинок прямо на мой кастомный порог, советует мне глотать пыль и делает ручкой. Представляешь, какая поразительная кучность одинаковых мотоциклов и запредельной наглости вокруг моей скромной персоны?

Я слотнула, чувствуя, как внутри завязывается тугой узел. Он блефует. У него нет прямых улик, связывающих меня с ночным гонщиком.

— Какое совпадение, — выдавила я, силой удерживая на лице маску вежливого сочувствия. — Видимо, у байкеров обострение. Я же говорила — дикие люди, тормозов нет. Хорошо, что я на метро езжу.

— На метро, говоришь? — Демидов усмехнулся. Эта улыбка не предвещала ничего хорошего. Он отступил на шаг, обошёл Porsche и вдруг легким движением вытащил из-за спины... мой матово-чёрный шлем с кошачьими ушами.

Тот самый, который я так надёжно припрятала. Он держал его за ремешок, и матовые ушки издевательски покачивались в такт его движениям.

— Нашёл сегодня утром в шкафу для инструментов в первом боксе, — вкрадчиво произнёс Артур, глядя на мою стремительно бледнеющую физиономию. — Вадим клялся, что у его парней таких... аксессуаров быть не может. Так чей же он, Царёва? Не подскажешь?

Воздух в боксе, казалось, накалился до предела. Вот она — очная ставка. Ловушка захлопнулась, и этот холёный хищник прямо сейчас ждал, что я сломаюсь, задрожу и начну умолять о пощаде.

Но Тайфун не сдаётся без боя.

— А, так вот он где! — я наигранно всплеснула руками и сделала шаг вперёд, бесцеремонно забирая шлем прямо из его холёных пальцев. Артур даже бровью не повёл, лишь сильнее сузил глаза, наблюдая за каждым моим движением. — А я его всё утро ищу. Спасибо, Артур Владимирович. Коська — ну, Костя из первого бокса — вчера весь вечер сокрушался, что его племянница этот шлем в сервисе забыла.

Я бережно перевернула шлем в руках, демонстративно сдувая с него несуществующую пылинку.

— Племянница? — Демидов иронично выгнул бровь, и в его голосе прорезались откровенно опасные, бархатные нотки. — И у племянницы твоего Кости, надо полагать, сороковой размер ноги и нездоровая тяга к чужим суперкарам?

— Насчёт тяги не знаю, а девчонка боевая, четырнадцать лет, из секции мотокросса не вылезает, — соврала я, глазом не моргнув. — Костя попросил шлем припрятать в шкаф от греха подальше, чтобы Вадим Николаевич за бардак на верстаке не устроил разнос. А я, как назло, забыла, в какой именно шкаф его сунула. Голова к вечеру совсем не варила после этих ваших закисших клапанов.

Я подняла взгляд и смело уставилась прямо в его ледяные глаза. Между нами было от силы сантиметров тридцать. Я физически ощущала, как от него исходит волна тяжёлого, давящего авторитета. Любой другой на моём месте уже сознался бы во всех грехах, начиная с угона велосипеда в третьем классе, но во мне всю бурлило упрямство.

— Красивая сказка, Царёва, — тихо, почти шёпотом произнёс Артур, чуть наклоняясь к моему лицу. — Продуманная. Вот только на пороге моей машины остался чёткий отпечаток протектора. Очень специфический рисунок. Хочешь, прямо сейчас спустимся к парковке и сравним его с подошвой твоих ботинок?

Моё сердце пропустило удар. Чёрт. Об этом я как-то не подумала, когда со всей дури лупила ногой по его углепластику. На моих армейских «гадах» действительно был кастомный, приметный тракторный протектор.

— Артур Владимирович, при всём уважении, — я сделала глубокий вздох, заставляя свой голос звучать максимально ровно и профессионально, — если вы хотите тратить своё дра-

гоценное время на замеры обуви инженеров-мотористов, я, конечно, могу разуться. Но прямо сейчас у вас в седьмом боксе стоит Porsche с полумёртвым вестгейтом левой турбины. Клиент платит бешеные деньги за час простоя. Мне продолжить диагностику или мы пойдём на парковку заниматься трасологической экспертизой?

Демидов молчал. Несколько бесконечных, оглушительных секунд он просто гипнотизировал меня своим нечитаемым взглядом. Его челюсть упрямо сжалась, а на породистом лице снова на мгновение заходили желваки. Он понимал, что я дерзко, неприкрыто перевожу стрелки, пользуясь рабочим моментом. И, кажется, эта наглость выбивала его из привычной колеи ещё сильнее, чем ночная гонка.

— Турбиной занимайся, — наконец сухо отрезал он, резко отстраняясь и возвращая себе маску абсолютного, холодного контроля. — Но учти, Царёва. Я не люблю, когда мне вешают лапшу на уши. Игра в прятки объявляется открытой. И поверь мне, я очень не люблю проигрывать.

Он развернулся на каблуках и стремительным, уверенным шагом вышел из бокса, оставив после себя шлейф дорогого парфюма и леденящего душу напряжения.

Я с трудном удержалась на ногах, прислонившись спиной к теплему крылу Porsche, и прижала шлем к груди. Руки ощутимо тряслись.

— Ну и ну, — тихо прошептала я в пустой бокс. — Похоже, лёгкой жизни здесь точно не предвидится.

Паника? Нет, паниковать некогда. Мозг, привыкший моментально находить решения при поломке двигателя, сейчас работал в аварийном режиме. Так, Царёва, думай. Демидов сказал, что запомнил протектор. Он сто процентов проверит мою обувь, как только представится случай — или на выходе из сервиса, или прямо посреди рабочего дня. Оставлять на ногах эти приметные «гады» с кастомным тракторным рисунком — всё равно что самой нацепить на себя наручники.

Я решительно отложила шлем в сторону и выскочила из бокса. Нужно было срочно менять правила игры, пока этот лощёный босс не вернулся с проверкой.

В главном зале Дэн и Костя как раз заканчивали упаковывать инструменты.

— Парни, спасайте! — на ходу позвала я, стараясь, чтобы голос звучал повседневно-буднично, без лишней паники. — У кого из вас сороковой размер обуви? Срочно нужны какие-нибудь рабочие ботинки на пару часов. Желательно погрязнее.

— У меня сороковой, — Костя удивлённо поднял голову от верстака, вытирая руки ветошью. — А тебе зачем? Твои же вроде крепкие.

— Да масло пролила, когда к вестгейту лезла, подошву залила — скольжу теперь по наливному полу, как корова на льду, — соврала я, даже не поморщившись. — Работать невозможно, того и гляди чебурахнусь под подъёмник. Есть замена с нормальным сцеплением?

— А, ну бывает, — легко поверил Костя, добродушно хмыкнув. — Глянь вон там, под моим личным стеллажом. Там старые демисезонные берцы валяются, я их на дачу хотел увезти. Обычная дешёвая штамповка, подошва гладкая, почти стёртая. Но от масла точно скользить не будешь, они дубовые.

— Спасибо, Кость! С меня кофе, — выдохнула я.

Уже через минуту под стеллажом я откопала запylённые, изношенные ботинки. Перевернула — отлично! Рисунок протектора — самая банальная, мелкая «ёлочка», какую можно встретить на тысячах дешёвых китайских пар. Ничего общего с моим сложным, кастомным тракторным узором.

Я быстро скинула свои любимые армейские «гады», замотала их в плотный непрозрачный пакет из-под мусора и спрятала на самую верхнюю, заваленную старыми карданными валами полку в дальнем углу бокса. Туда даже Вадим Николаевич с проверкой раз в пятилетку заглядывает. А сама натянула Костины берцы. Чуть великоваты в подъёме, зато стратегически без-

опасны. Вечером, когда смена закончится и Демидов уедет, спокойно переобуюсь обратно и уеду на своём Ducati.

Когда через полчаса я снова стояла у открытого капота Porsche, внутри у меня было абсолютно спокойно.

«Ну давай, Артур Владимирович, — весело подумала я, затягивая гайку на турбине. — Приходи со своей экспертизой. Тайфун к осмотру готов».

Глава 4

Следующая неделя прошла на удивление тихо и спокойно. Артур Владимирович в мастерской больше не появлялся — видимо, столичный автокороль был слишком занят своими глобальными бизнес-империями, чтобы тратить время на слежку за чумазым инженером-мотористом. И слава богу. Без его давящего, ледяного присутствия работа в «DC Tuning» буквально кипела. Я перебирала движки один за другим, парни меня зауважали, а Вадим Николаевич вообще не мог нарадоваться на своего нового «гения».

Главным событием недели стал мой первый официальный аванс. Когда на карту капнула сумма, я едва не закричала от восторга прямо в боксе. Вместе с моими прошлыми накоплениями этого как раз хватало, чтобы полностью закрыть тот проклятый долг перед Демидовым за разбитое крыло на Садовом кольце. Пять месяцев эта финансовая кабала висела над моей душой, и теперь я была готова вернуть всё до последней копейки. Причём сделать это так, чтобы Артур раз и навсегда вычеркнул меня из своего списка подозреваемых, умыл руки и отвязался. У Тайфуна долгов не бывает.

В пятницу после обеда в мастерскую внезапно приехал Демидов — заскочил буквально на десять минут, чтобы забрать у управляющего какие-то важные документы по юрилицу. Я в этот момент как раз ковырялась под капотом соседней машины и невольно подслушала его телефонный разговор. Артур ходил по коридору с зажатым у уха мобильным.

— Да, Макс, я помню, — на ходу бросал он своим глубоким, деловым тоном. — Завтра в загородном клубе, всё в силе. Смокинг уже готов. Да, Руслан тоже будет. Всё, до встречи на свадьбе.

Я мало что поняла из их сухих бизнес-реплик, кроме одного: завтра у какого-то Макса элитная свадьба в элитном подмосковном загородном клубе, и Демидов будет там при всём параде.

В моей голове мгновенно созрел идеальный, безумный и абсолютно сумасшедший план. Свадьба? Куча пафосных гостей? Идеальный, стерильный контроль, который он так обожает? Что ж, дядя, приготовься к сюрпризу. Это будет твой самый незабываемый свадебный подарок.

Субботний вечер. Загородный клуб напоминал картинку из глянцевого журнала: пафосные гости в смокингах и вечерних платьях, приглушённый свет, изысканные декорации веранды элитного ресторана и тихий, респектабельный гул светских разговоров. У входа, приковылая к себе завистливые взгляды, красовалась его матово-чёрная Pagani.

И всю эту безупречную, рафинированную сказку для богачей в одно мгновение распылил на атомы оглушительный, яростный и утробный рёв моего прямоточного выхлопа. Звук разорвал воздух с такой силой, что какая-то дама на веранде испуганно вскрикнула, а музыка тут же смолкла.

Прямо на ухоженную, изумрудную и дорогую лужайку ресторана, безжалостно кромсая колёсами ландшафтный дизайн, на бешеной скорости вылетел мой Ducati Panigale. На мне был весь мой боевой комплект: глухой кожаный комбинезон, куртка со светоотражающими черепами и тот самый шлем с кошачьими ушами. Эффектно заложив крутой вираж и выбивая из-под колёс куски дёрна вместе с цветами, я с визгом затормозила прямо напротив их VIP-зоны, в каких-то пяти метрах от стола Демидова.

Сквозь тонированный визор я жадно ловила его реакцию. Артур замер, так и не донеся до губ бокал. Люди за его столом — какой-то мужчина и шикарно одетая женщина с ледяным лицом — мгновенно подобрались, но я смотрела только на своего босса. Его глаза округлились от шока, а в следующую секунду в них вспыхнуло такое бешеное, первобытное пламя, что воздух между нами, казалось, затрещал от статического электричества.

Я нарочно удерживала байк на высоких оборотах. Двухколёсный монстр тяжело вибрировал подо мной, готовый сорваться с места по первому щелчку. Снимать шлем я, конечно, не собиралась, сохраняя инкогнито. Вместо этого я неторопливо, с вызывающей, издевательской грацией залезла во внутренний карман куртки, вытащила оттуда увесистый, туго перетянутый резинкой пакет и точным, хлестким движением швырнула его прямо на капот его сияющей Pagani.

Пакет от удара лопнул, и пачки пятидесятирублевых купюр — весь мой долг до последнего рубля — веером рассыпались по безупречному глянцевому лаку его машины, частично слетая на истерзанную траву.

Всё, дорогой босс. Счета оплачены, мы в расчёте. Теперь у тебя нет ни единого повода искать неуловимую байкершу, игра окончена.

Я плавно перевела взгляд на застывшего в немом ступоре Демидова. Медленно, с особым наслаждением подняла руку в кожаной перчатке и показала ему чёткий, максимально высокомерный средний палец. Глотай пыль, дядя!

Ручка газа крутанулась до упора. Ducati взревел раненым зверем, срываясь на заднее колесо. Я обдала Артура, его спутников и половину ошарашенной элиты плотным, удушливым облаком жжёной резины и дыма, после чего за долю секунды развернула аппарат и пулей улетела в сторону ворот.

Рёв моего прямогока полностью отрезал меня от звуков загородного клуба, но в зеркалах заднего вида я успела поймать финальную картину этого перформанса. Демидов, чей безупречный пиджак теперь покрывал лёгкий налёт серой копоти, со всей дури швырнул свой бокал куда-то в стену. Даже на расстоянии и через тонированный визор я кожей почувствовала, какое дикое, первобытное бешенство напорола с охотничьим азартом сейчас им двигало.

Я увидела, как он резко сорвался с места, буквально перепрыгивая через испорченный мной газон, и на ходу выхватил ключи. Он рванул к парковке, где стояла Pagani.

Он не собирался меня отпускать. Мой дерзкий жест превратил обычный долг в дело его мужской чести, и сейчас этот холёный хищник выходил на тропу войны.

Я крепче сжала руль и заложила крутой вираж, вылетая на тёмное подмосковное шоссе. Сердце колотилось где-то в горле, а на губах блуждала шальная ухмылка.

Ну давай, Артур Владимирович. Догоняй, если сможешь.

Встречный ветер с силой бил в грудь, пытаюсь оторвать меня от руля, но я лишь сильнее прижалась к бензобаку, сливаясь с мотоциклом в единое целое. Подмосковная трасса серой лентой стремительно уходила под колёса. Стрелка спидометра уверенно перешагнула отметку в сто пятьдесят километров в час, и цифры продолжали стремительно расти.

Адреналин в крови выжигал все мысли, оставляя только чистый, первобытный восторг. Я сделала это! Я вернула долг, эффектно хлопнула дверью и оставила этого высокомерного столичного босса собирать пятидесятирублевые бумажки с газона. Отличный финал для пятидесятилетней истории с разбитым крылом на Садовом.

Я бросила быстрый взгляд в зеркало заднего вида. Сзади расстилалась густая, непроглядная темнота ночного шоссе, изредка разбавляемая редкими габаритными огнями попутных машин. Никаких признаков погони.

«Ну конечно, пока он добежал до парковки, пока завел свою колыхающуюся... Тайфун уже и след простыл», — самодовольно подумала я, слегка ослабляя хватку на ручке газа. Радоваться раньше времени не стоило, но внутреннее напряжение потихоньку начало отпускать, сменяясь приятной усталостью.

И именно в этот момент темноту позади меня прорезали две хищные, ослепительно-белые полосы светодиодных фар.

Они возникли словно из ниоткуда, стремительно разрастаясь в зеркалах. Расстояние между нами сокращалось с какой-то пугающей, неестественной скоростью. Попутные машины шарахались вправо, едва этот матово-чёрный монстр пролетал мимо них.

Низкий, утробный рык двенадцатицилиндрового двигателя Pagani догнал меня даже сквозь грохот моего собственного прямотока и плотный шлем.

Моё сердце совершило кульбит и ухнуло куда-то в район подножек. Демидов. Этот сумасшедший всё-таки выжал из своего суперкара максимум и нагнал меня всего за пару минут.

— Ну давай, проверим, на что способны твои кастомные миллионы, дядя Артур, — процедила я под шлемом, и шальная улыбка снова исказила мои губы.

Я резко переключилась на передачу вниз, выкручивая ручку газа Ducati до упора. Мотоцикл дернулся, отзываясь яростным ревом, и выдал мощный импульс ускорения. Но Pagani и не думала отставать. Демидов шёл за мной след в след, словно приклеенный намертво. Он не пытался аккуратно пристроиться сбоку или помогать фарами — его суперкар завис у моего заднего колеса в какой-то паре метров. Это была не просто погоня, это было психологическое давление в чистом виде. Он буквально выдавливал меня с трассы, демонстрируя абсолютное, подавляющее превосходство в скорости.

Впереди показалась развязка — крутой, затяжной поворот направо, уходящий на эстакаду. Скорость была слишком высокой для такого маневра, и любой нормальный водитель сейчас ударил бы по тормозам.

Но на Ducati сидела Царёва, а Царёву в гаражах учили: если хочешь победить сильного соперника, заставь его играть на неудобном поле. Широкая, тяжелая Pagani идеальна на прямой, но на узком, крутом вираже её законы физики работают против неё.

Я резко заложила байк вправо, практически чиркая коленом по асфальту. Ducati идеально прописал траекторию, ввинчиваясь в поворот. В зеркале я увидела, как матово-чёрный суперкар Демидова жестко качнуло, широкие шины жалобно завили, борясь за зацеп, а электроника машины начала судорожно выравнивать траекторию, гася скорость, чтобы тяжелую корму не унесло в отбойник.

Есть! Я выиграла драгоценные секунды и увеличила разрыв.

Эстакада закончилась, и я влетела на плохо освещенную пригородную дорогу, петляющую между глухими заборами промзон и складских комплексов. Здесь асфальт уже не напоминал идеальное полотно подмосковной трассы — то тут, то там попадались мелкие выбоины, стыки и дорожная пыль. Для широких колес Pagani это было сущим адом.

Я виляла между рядами, срезала углы по островкам безопасности и летела вперед, зная каждый поворот этой зоны как свои пять пальцев. Но Демидов оказался чертовски упрямым и дьявольски хорошим водителем. Несмотря на все трудности, его фары снова показались позади. Он шел напролом, игнорируя удары подвески о неровности дороги. Его ледяной контроль превратился в глупую, яростную одержимость.

Впереди маячил финальный аккорд моего плана — старый, полузаброшенный железнодорожный переезд. Шлагбаум там давно не работал, но сами рельсы торчали из разбитого асфальта довольно высоко. На мотоцикле я могла перелететь их ходом, почти не сбавляя темпа. А вот для суперкара с клиренсом в несколько сантиметров и карбоновым обвесом стоимостью в квартиру этот переезд был непреодолимым барьером. Если он попытается проскочить его на скорости — просто оставит там всю переднюю подвеску и разнесет днище.

Я прибавила газу, приподнялась на подножках, готовясь к прыжку. Переезд стремительно приближался. Сто, пятьдесят, тридцать метров...

И вдруг в зеркале я увидела то, от чего у меня перехватило дыхание. Демидов даже не думал тормозить. Матово-чёрная Pagani летела на рельсы на полной скорости, не снижая темпа ни на километр.

Он что, совсем с ума сошел со своим бешенством?! Он же разобьет машину!

Мой мотоцикл с жестким стуком перелетел через рельсы, я удержала руль, приземляясь на другой стороне, и тут же резко ударила по тормозам, разворачивая байк боком. Я просто физически не могла уехать, не посмотрев, что произойдет. Победить в гонке — это одно, но стать причиной аварии я не хотела.

Раздался оглушительный, страшный скрежет металла и пластика об асфальт. Pagani подбросило на рельсах, из-под днища снопом полетели яркие искры. Карбоновый сплиттер с треском разлетелся на куски, вспыхнули стоп-сигналы, и суперкар, тяжело накренившись на левое переднее колесо, со свистом и визгом резины замер прямо посреди переезда, окутавшись клубами белого дыма из-под разбитого радиатора.

Тишина. Только шипение вытекающего антифриза и тяжелое дыхание мотора моего Ducati нарушали ночной покой.

Я замерла, не снимая шлема, в тридцати метрах от разбитой машины. Сердце бешено колотилось в груди.

Дверь-крыло Pagani медленно, со скрипом поднялась вверх. Из салона, окутанного дымкой от сработавших подушек безопасности, выбрался Артур. Его безупречный смокинг был помят, белоснежная рубашка расстегнута на груди, а на лбу красовалась свежая багровая царапина.

Он проигнорировал уничтоженный передок своей машины, даже не взглянул на вытекающие на асфальт лужи жидкостей. Демидов встал во весь рост, тяжело дыша, и устремил на меня свой ледяной, пронизывающий взгляд, в котором сейчас полыхал самый настоящий, неконтролируемый пожар. В его позе не было слабости проигравшего — только дикая, первобытная ярость хищника, который упустил добычу, но запомнил её запах.

Я посмотрела на него секунду, чувствуя, как внутри всё дрожит от смеси страха и дикого, запретного восторга. Ты проиграл этот раунд, холёный босс. Твой контроль разбился о жесткие рельсы реальности.

Я плавно выжала сцепление, включила первую передачу и, крутанув на прощание ручку газа, сорвалась с места, оставляя Артура Демидова одного на полуразрушенном переезде среди обломков дорогого карбона. Погоня была окончена. Но настоящая война, кажется, только начиналась.

Всю оставшуюся ночь я толком не спала. Стоило мне закрыть глаза, как перед мысленным взором тут же вставала матово-чёрная Pagani, летящая на рельсы в снопе искр, и бешеный, горящий взгляд Артура Демидова. Я переигрывала эту погоню снова и снова. С одной стороны, внутри всё ещё пел Тайфун — я ушла, я вернула долг, я умыла этого заносчивого инженера человеческих душ! С другой стороны... масштаб разрушений его машины пугал. Если он поймёт, что чумакая Царёва из седьмого бокса и есть та самая байкерша, мне не просто грозит увольнение. Меня закатают в бетон прямо под наливным полом сервиса.

К восьми утра я приехала в «DC Tuning». Ноги были ватными, а осознание того, что я сотворила ночью, казалось неподъёмным грузом. Я быстро спрятала свой приметный шлем с ушками и куртку с черепами в самый дальний угол, переодевшись в рабочую робу, натянула те самые безопасные Костины берцы «ёлочкой» и поплелась в ремонтную зону.

В мастерской стояла странная, гнетущая тишина. Парни не ржали, как обычно, а Вадим Николаевич бледной тенью метался по проходу, беспрестанно вытирая пот со лба.

— Царёва! — управляющий подлетел ко мне, стоило мне взять в руки гаечный ключ. Голос его дрожал. — На ловца и зверь бежит. Бросай всё. Генеральный приехал. Там... там такое... В общем, зайди к нему в первый бокс. Живо.

У меня внутри всё заледенело. Неужели вычитал по камерам? Нашёл зацепку?

— А что случилось, Вадим Николаевич? — постаралась я придать голосу максимум сонного недоумения.

— Шеф ночью машину разложил! — трагическим шёпотом выдал управляющий. — Свою эксклюзивную Pagani! Половину подвески вырвало, карбоновый обвес в щепки, радиатор пробит. Говорит, на переезде в какой-то люк влетел, но парни шепчутся, что там живого места на днище нет. Он в ярости, Тая. Рвёт и мечет. Сказал, чтобы контракт по этой машине вёл только ты. Беги, пока он весь сервис не уволил!

Я сглотнула скопившийся в горле ком, поправила растрёпанный хвост и, чеканя шаг Костиными дубовыми ботинками, направилась в первый бокс.

Зрелище, представшее передо мной, заставило бы любого автолюбителя разрыдаться. Посреди бокса на гидравлическом подъёмнике висела Pagani. Точнее то, что от неё осталось. Передний бампер отсутствовал в принципе, из разбитого блока радиаторов всё ещё капал антифриз, а левое колесо неестественно вывернулось наружу — рычаги подвески скрутило в бараний рог.

У верстака, спиной ко мне, стоял Демидов. Смокинга, естественно, уже не было. На нём были надеты простые чёрные джинсы и тёмная водолазка с подвёрнутыми рукавами. На лбу красовался аккуратный пластырь, скрывающий вчерашнюю царапину. На его плечах лежало такое плотное, осязаемое напряжение, что воздух в боксе казался липким.

— Вызывали, Артур Владимирович? — негромко спросила я, останавливаясь у входа.

Демидов медленно, со смаком повернулся. Его лицо было абсолютно спокойным, даже расслабленным, но этот ледяной, сканирующий взгляд... Он пригвоздил меня к месту. Он смотрел на меня так, словно пытался разглядеть под серой робой очертания чёрного кожаного комбинезона.

— Заходи, Царёва. Оцени масштаб трагедии, — тихо, с обманчивой мягкостью произнёс он, кивая на разбитый суперкар. — Вчера ночью одна мелкая, летающая по дорогам вредительница решила, что законы физики и правила приличия созданы не для неё. И в итоге моя девочка теперь выглядит вот так.

Он подошёл ближе, сокращая расстояние между нами. Я заставила себя не шарахаться назад, а преданно и с лёгким профессиональным ужасом посмотреть на разбитую машину.

— Ох... — я прижала ладонь к губам, изображая искреннюю скорбь моториста. — Какая жалость. Это же кастомный углепластик, титановые рычаги... Как же вы так, Артур Владимирович? Вадим Николаевич сказал — люк, но тут повреждения такие, будто вы через железнодорожные рельсы на двухстах километрах в час перелетали. Тут же живого места на подрамнике нет!

Демидов замер в полушаге от меня. На его породистом лице на мгновение дрогнул мускул, а в глубине ледяных глаз промелькнула опасная, понимающая искра. Он уловил мою мимолётную деталь про «рельсы», которую управляющий ему точно не озвучивал.

— Рельсы, говоришь? — вкрадчиво, почти шёпотом переспросил Артур, наклоняясь к моему уху так близко, что я снова почувствовала его умопомрачительный парфюм. — Интересная аналогия. Проницательно для девочки, которая ночью «мирно спала дома перед сменой».

Я мысленно выругалась всеми известными мне гаражными терминами. Язык мой — враг мой! Тайфун, держи себя в руках!

— Ну так я инженер, Артур Владимирович, — быстро перевела я стрелки, поднимая на него абсолютно чистый, невинный взгляд. — Характер задиранья кузова и срез болтов крепления стабилизатора говорят сами за себя. Удар был направленный, снизу вверх, об острый металлический предмет. Люк бы просто расколол диск, а тут... чистая трасология. Так что, заказываем новые рычаги из Италии или попробуем вытянуть геометрию подрамника здесь?

Артур молчал. Он смотрел на меня сверху вниз, и я видела, как на его скулах снова начинают ходить едва заметные желваки. Ловушка была так близко, он кожей чувствовал, что

я вру, но доказать — снова не мог. Ночные камеры загородного клуба зафиксировали только шлем с ушами, а на его Рарапи этой ночью я не оставила ни одного нового отпечатка протектора.

— Из Италии, Царёва. Всё только оригинальное, — наконец сухо отчеканил Демидов, отстраняясь и возвращая себе маску абсолютного контроля. — Занимайся машиной лично. И упаси тебя бог сделать хотя бы одну ошибку в расчётах геометрии. Я буду контролировать каждый твой шаг. Каждый день. Ты меня поняла?

— Абсолютно, Артур Владимирович. Сделаем в лучшем виде, — бодро рапортовала я.

Он развернулся и пошёл к выходу из бокса, но у самой двери остановился и, не оборачиваясь, добавил:

— Ах да, чуть не забыл. Та сумасшедшая байкерша вчера вернула мне старый долг. Привела, так сказать, баланс в порядок. Вот только за ремонт этой Рарапи она мне теперь должна примерно в пять раз больше. Так что передай своей «племяннице Кости», если вдруг её встретишь... Игра только начинается.

Дней через десять приедут запчасти, и начнётся самое интересное.

Дверь бокса захлопнулась. Я обессиленно привалилась к верстаку, чувствуя, как под футболкой по спине течёт холодный пот.

— В пять раз больше, значит? — тихо пробормотала я, глядя на истерзанное днище суперкара. — Ну держись, дядя Артур. Посмотрим, чья возьмёт.

Глава 5

Артур

Десять дней. Именно столько времени итальянцы из Сан-Чезарио-суль-Панаро заложили на отливку и доставку нового титанового подрамника и кастомных рычагов подвески для моей Paganì. Для обычного человека — просто полторы недели ожидания. Для меня — идеальный хронометраж для того, чтобы методично, шаг за шагом загнать одну чересчур заносчивую девчонку в ловушку.

Я сидел в своём кабинете на втором этаже «DC Tuning», лениво прокручивая на мониторе записи с камер видеонаблюдения первого и седьмого боксов. На экране Царёва — в своей неизменной мешковатой серой робе, скрывающей фигуру, и дубовых Костиных берцах — возилась с подвеской очередного клиентского внедорожника. Спокойная, сосредоточенная, по уши в мазуте. Идеальный работник.

Вот только у этого «идеального работника» была точно такая же гордая, упрямая посадка головы и та же вызывающая, кошачья грация в движениях, что и у ночной гонимой, устроившей мне персональный ад на переезде. Сквозь тонированное стекло её шлема я не видел лица, но этот дерзкий, ни перед чем не пасующий силуэт врезался в мою память намертво. Мой внутренний аналитик, никогда прежде не дававший сбоев, буквально вопил: Царёва и девица на Ducati — одно и то же лицо.

Она выдавала себя в мелочах: её поразительная и мгновенная осведомлённость о характере повреждений днища моей машины, эта мимолётная фраза про «рельсы»... Но мне не нужны были догадки. Мне были нужны неопровержимые факты. Припереть её к стенке так, чтобы у неё не осталось ни единого шанса выкрутиться.

И эти десять дней я решил посвятить тихой, изнуряющей осаде.

День третий.

Я спустился в седьмой бокс внезапно, без предупреждения, посреди рабочего дня. Царёва лежала на подкатном лежаке под брюхом старого Mercedes, что-то глухо напевая себе под нос.

— Царёва, — позвал я, остановившись у самого края эстакады.

Она резко выкатилась из-под машины. Снова эта безупречная маска исполнительности, но в глубине карих глаз на долю секунды мелькнуло напряжение. Быстрое, едва уловимое — так реагирует боец на внезапный выпад противника.

— Да, Артур Владимирович? — она поднялась, вытирая ладони ветошью.

Я молча протянул ей планшет, на котором был открыт стоп-кадр с камеры загородного клуба. На размытом ночном снимке силуэт байкера на Ducati Panigale эффектно закладывал вираж на газоне. Светоотражающие черепа на куртке тускло поблёскивали.

— Моя служба безопасности подняла записи с парковки, — ровным, безразличным тоном произнёс я, внимательно отслеживая мимику её лица. — Рост этого пилота — примерно метр семьдесят. Плотное, спортивное телосложение. Хват руля специфический, локти разведены в стороны — так ездят те, кто профессионально занимался мотокроссом на треке. Наш управляющий утверждает, что у тебя в резюме указан именно этот профиль. Что скажешь, Таисия? Похожа комплекция?

Она даже взглядом не повела в сторону экрана. Спокойно посмотрела мне прямо в глаза, и на её губах появилась лёгкая, почти сочувственная улыбка.

— В темноте и под углом все байкеры ростом до метра семидесяти выглядят одинаково, Артур Владимирович, — парировала она, даже не заикнувшись. — А мотокроссу в Москве половину подростков в секциях учат. Если ваша служба безопасности хочет поймать этого

человека, пусть проверят кастомные мастерские на юге города. Такой выхлоп, как у этого Ducati, ставится только в двух местах в столице. Любой грамотный моторист вам это скажет.

Она снова перевела стрелки. Профессионально, чётко, со знанием дела. Закрыла тему моей же трасологией.

— Свободна, — сухо бросил я, забирая планшет.

Упрямая девчонка. Но ничего, это только начало.

День седьмой.

Вторая проверка была более тонкой. Я попросил Вадима Николаевича перевести Царёву на срочный ночной выезд — якобы у одного из наших VIP-клиентов заглохла машина на Новой Риге, и нужен был лучший моторист для диагностики на месте. На самом деле никакой машины не было. Был пустой участок трассы и дежурившие там мои люди, которые должны были зафиксировать, на чём именно Царёва поедет на объект в одиннадцатом часу вечера. Если она байкерша до мозга костей — она не выдержит и возьмёт свой Ducati, чтобы сэкономить время на ночных пробках.

Я лично сидел в машине прикрытия, наблюдая за выездом из сервиса через бинокль.

Ворота «DC Tuning» медленно поползли вверх. Внутри у меня всё натянулось как струна. Ну же, Царёва, покажи свой истинный облик. Глухой шлем, матовый пластик...

Из ворот, чихая старым дизельным выхлопом, лениво выкатился кастомный, ржавый технический фургончик сервиса. За рулём, едва видная из-за приборной панели, сидела Тая. На ней была всё та же серая роба, а на пассажирском сиденье сидел заспанный Костя, которого она прихватила с собой «для тяжёлой физической работы».

Она поехала на служебном корыте. Снова просчитала ход. Снова сыграла роль примерного, забитого работой инженера.

Я со злостью бросил бинокль на соседнее сиденье. Эта девчонка начинала меня искренне восхищать своей выдержкой. Она вела себя так, словно ночной погони и того дерзкого среднего пальца никогда не существовало в природе. Превратилась в невидимку.

День десятый.

Сегодня утром на склад наконец-то пришли коробки из Италии. Тяжёлые деревянные ящики с фирменной маркировкой Pagani Automobili.

Я стоял у входа в первый бокс, наблюдая, как Царёва аккуратно, с помощью гвоздодёра вскрывает обрешётку. Её движения были уверенными, точными. Она бережно достала сияющий титановый подрамник, словно это была не деталь суперкара за сотни тысяч евро, а хрупкий младенец. В её глазах, когда она осматривала идеальные заводские швы, вспыхнул такой чистый, неподдельный восторг фаната своего дела, что я на секунду залюбовался.

Она любит машины. До безумия, до дрожи в руках. И технику чувствует кожей — точно так же, как та ночная ведьма чувствовала траекторию своего Ducati на крутом вираже эстакады.

— Детали на месте, Артур Владимирович, — громко доложила она, не оборачиваясь, словно знала, что я стою сзади. — Геометрия идеальная. С сегодняшнего дня приступаю к сборке.

Я медленно подошёл ближе, остановившись у неё за спиной. Так близко, что видел, как от моего присутствия у неё на шее мгновенно подобралась мелкая волоски. Она контролировала себя, но её тело всё равно выдавало реакцию на меня.

— Отлично, Царёва, — тихо произнёс я, наклоняясь к самому её плечу. — С этого момента я буду проводить в этом боксе очень много времени. Буду смотреть, как работают твои золотые руки. Надеюсь, ты не против компании?

Тая медленно повернула голову. Наша близость её явно смущала, но она упрямо вскинула подбородок, глядя на меня тем самым знакомым, вызывающе-дерзким взглядом, который я уже видел в зеркалах заднего вида на ночной трассе и который она так тщательно пыталась скрыть все эти дни.

— Работа под присмотром генерального директора — это большая честь, Артур Владимирович, — ровно ответила она. — Главное, чтобы вам не надоело смотреть на мазут и слушать стук ключей.

— Поверь мне, Царёва, — я улыбнулся, и в моей улыбке не было ни капли тепла. — Мне не надоест. Я очень терпеливый охотник.

Я развернулся и вышел из бокса. Время скрытых проверок закончилось. Запчасти были, а значит, теперь мы будем заперты в этой ремонтной зоне один на один. И я найду способ заставить её снять этот невидимый шлем.

Весь следующий день я провёл в первом боксе, расположившись на кожаном диване в углу с ноутбуком на коленях. Царёва работала молча, сосредоточенно и чертовски профессионально. Наблюдать за ней было своего рода эстетическим удовольствием: она не суежилась, каждый инструмент ложился в её руку словно сам собой, а новый титановый подрамник вставлял на посадочные места с ювелирной точностью. Она создавала вокруг себя глухую стену из напускного безразличия, игнорируя моё присутствие, но я кожей чувствовал, как сильно она напряжена.

Около двух часов дня тишину бокса нарушил бесцеремонный, громкий шаг. Дверьпахнулась, и на пороге появился парень лет двадцати пяти в каustomной кожаной куртке-косухе, с шлемом под мышкой и наглой ухмылкой на лице. Я сразу узнал этот типаж — типичный представитель ночной тусовки со смотровой площадки. Один из тех, кто считает город своей личной гоночной трассой.

— Здорово, мужики! Вадим сказал, тут где-то лучший моторист на районе прячется... — весело начал визитёр, но стоило ему перешагнуть порог и увидеть Царёву, как его глаза округлились от искреннего удивления. — Опа! Глазам своим не верю! Кого я вижу?

Тая, которая в этот момент затягивала болты на рычаге, замерла. Её спина мгновенно окаменела. Она медленно повернулась к вошедшему, и я заметил, как её пальцы с такой силой сжали гаечный ключ, что побелели костяшки.

— О, Тайфун! Привет! — парень искренне, во весь голос обрадовался, делая шаг к ней. — Сколько лет, сколько зим! Ну ничего себе тебя жизнь занесла, в официалы подалась? Мы-то тебя обыскались. Давно не виделись, на треке тебя капец как не хватает! Парни постоянно спрашивают, куда наша бешеная девчонка пропала. Может, заедешь на выходных? На ЧТК как раз ноздря в ноздю катать будем, без тебя скучотища!

Я медленно опустил крышку ноутбука. Каждое слово этого парня падало в тишину бокса со звуком взрывающейся бомбы.

Тайфун.

Значит, вот как тебя зовут в твоём настоящем мире, Царёва. Бешеная девчонка, которой не хватает на треке. Все кусочки пазла, которые я собирал эти десять дней, с глухим щелчком встали на свои места. Внутри меня поднялась волна холодного, торжествующего триумфа. Ловушка захлопнулась.

Я плавно поднялся с дивана и сделал несколько шагов вперёд, выходя из тени угла.

— Добрый день, — мой голос прозвучал ледяным, светским тоном, от которого новопривыкший байкер мгновенно замолк и растерянно перевёл взгляд на меня, оценивая мой дорогой кэжуал-костюм и тяжелый взгляд.

— Э-э... здравствуйте, — парень явно не ожидал увидеть здесь кого-то, кроме автомехаников.

Я перевёл взгляд на Царёву. Она была бледной, но упрямо смотрела на своего знакомого, отчаянно пытаясь взглядом заставить его заткнуться. Поздно, малявка. Твой друг уже всё сказал.

— Таисия, — вкрадчиво, с явной издёвкой произнёс я, смакуя каждое слово. — Я не знал, что у нашего скромного ассистента есть такое... громкое, стихийное прозвище. Расска-

жешь другу, почему тебя так зовут? Мотоциклы? Скорость? Или, может быть, умение сносить ландшафтный дизайн на полной скорости и швыряться чужими деньгами?

Парень удивлённо перевёл взгляд с меня на Таю, наконец сообразив, что сболтнул лишнего и подставил подругу перед начальством.

Царёва сделала глубокий вдох. На секунду мне показалось, что она сейчас сорвётся — бросит ключ и признается во всём. Но нет. Эта девчонка обладала поистине феноменальным самообладанием. Она резко повернулась ко мне, её подбородок снова взлетел вверх в том самом вызывающем жесте, и она заговорила — ровно, твёрдо, без единой запинки:

— Артур Владимирович, мой знакомый просто шутит. И очень глупо. «Тайфуном» меня прозвали в студенческом общежитии МАДИ, потому что я умудрилась за пару часов полностью ликвидировать завал в мастерской кафедры поршневых двигателей. Навела порядок, как стихийное бедствие. А на трек я ездила исключительно как механик-наладчик в составе студенческой команды. Настраивала ребятам карбюраторы и калибровала выхлопные системы, чтобы они из графика не выбивались. Вот они до сих пор и зовут «покатать» — в смысле, телеметрию поснимать. Верно, Дэн?

Она повернулась к парню, и в её карих глазах полыхнуло такое обещание скорой и мучительной расправы, что тот испуганно сглотнул.

— Да-да! Именно! — закивал Дэн, пятясь к двери. — Она... она у нас это, по гайкам спец. Чисто настроить движки, ага. Я, пожалуй, пойду. Вадима поищу в коридоре. Рад был видеть, Тая... то есть, Царёва!

Парень буквально вылетел из бокса, захлопнув за собой дверь.

Мы остались одни. Тишина между нами стала настолько звенящей и острой, что её, казалось, можно было порезать ножом. Царёва стояла напротив меня, тяжело дыша, крепко сжимая свой инструмент. Её ложь была шита белыми нитками, мы оба это понимали. Никакой механик-наладчик не заставит уличную тусовку так искренне тосковать по себе.

Я сделал шаг к ней, сокращая расстояние до минимума, и заглянул в её напряжённое лицо.

— Красивая сказка, Царёва. Про студенческое общежитие и карбюраторы, — тихо, почти интимно прошептал я, глядя на неё сверху вниз. — Вот только я тебе не верю. Ни единому слову. Тайфун, значит?.. Ну что ж. Завтра подвеска должна быть полностью собрана. И мы проверим твою «телеметрию» лично. На трассе.

Глава 6

Артур

Ложь Царёвой про «студенческий кружок механиков» была настолько бездарной, что мне почти захотелось ей поаплодировать. Девочка защищалась как раненый зверь — огрызалась, переводила стрелки и упорно строила из себя серую мышь в замасленной робе. Но я не соби-
рался давать ей время на передышку. Раз уж она решила играть в глухую оборону, я просто подниму ставки до максимума.

В одиннадцать утра я вызвал её к себе в кабинет.

Она вошла своей привычной тихой походкой, но я видел, как напряжена каждая линия её тела. Я молча пододвинул по полированному дереву стола распечатанный бланк — офици-
альную смету на ремонт моей Pagani, заверенную итальянским представительством. Сумма в графе «Итого» красовалась с таким количеством нулей, что у обычного человека от одного
взгляда на неё должен был случиться микроинсульт.

— Ознакомься, Царёва, — лениво произнёс я, откидываясь на спинку кресла и сплетая пальцы в замок. — Это чистая стоимость оригинальных деталей и кастомного углепластика. Как только моя юридическая служба передаст материалы в полицию, на эту безумную гонщицу заведут уголовное дело. И поверь мне, она сядет. Очень надолго, если не выплатит мне всё до последней копейки.

Я подался вперёд, фиксируя каждый миг её реакции.

— Но у меня нет времени на суды. Поэтому я предлагаю тебе сделку. Ты ведь крутишься в этих кругах, твои друзья-байкеры прекрасно знают, кто такая Тайфун. Сдай мне её, Тая. Назови мне её настоящее имя, адрес, и я забуду про твои косяки в сервисе. Обеспечу тебе карьерный рост. Ну? Что скажешь?

Царёва опустила взгляд на бумагу. На её лице на мгновение отразился фальшивый, тща-
тельно отрепетированный ужас. Она даже прижала ладонь к груди, разыгрывая карту бедной, честной трудяги перед лицом огромных денег.

— Ничего себе суммы... — тихо, с придыханием протянула она, поднимая на меня свои идеально чистые карие глаза. — Слава богу, Артур Владимирович, что я к двухколёсному транспорту даже близко не подхожу и никого из этих сумасшедших не знаю. А то у меня прямо сейчас инфаркт случился бы от таких цифр. Я обычный моторист, живу от зарплаты до зар-
платы, откуда у меня связи с владельцами таких дорогих Ducati? Удачи вашей полиции в поис-
ках. Надеюсь, эту паршивку поймают и заставят платить. Могу я идти? Мне нужно выставять углы схождения на вашей машине.

Она развернулась и вышла прежде, чем я успел остановить её.

Актриса без погорелого театра. Она не испугалась долга, потому что знала — полиция ничего не найдёт.

Что ж, слова — это вода. Пришло время для более надёжных методов.

Через полчаса я спустился в первый бокс. Царёва уже работала под капотом, практиче-
ски полностью уйдя в моторный отсек Pagani. Она пыталась дотянуться до труднодоступного крепежа рулевой рейки в глубине подрамника, вытянувшись на цыпочках.

Я подошёл бесшумно. Под предлогом «помощи» я шагнул вперёд, вставая к ней вплот-
ную со спины и полностью лишая её пространства. Моя грудь почти касалась её лопаток. Я перехватил её руки своими прямо на металлическом ключе, накрывая её тонкие, испачканные в мазуте пальцы своими ладонями.

Тая мгновенно замерла. Её дыхание перехватило, спина под робой превратилась в натя-
нутую струну.

— Артур Владимирович... — глухо предупредила она, пытаясь высвободить кисти, но я сжал их крепче, направляя ключ к нужному болту.

— Помогаю, Царёва. Здесь нужен правильный рычаг, — негромко, почти интимно произнёс я, наклоняясь к самому её уху, так что мои губы едва не касались её кожи. — Знаешь, я много читал о психофизиологии. Когда человек испытывает экстремальный прилив адреналина — например, во время бешеной ночной погони на мотоцикле — у него расширяются зрачки. Сердце начинает стучать как сумасшедшее, разгоняя кровь. Тело помнит этот кайф. И это невозможно подделать.

Я медленно сдвинул свою ладонь выше, на её тонкое запястье, и плотно прижал пальцы к её коже, нащупывая пульс.

Её сердце колотилось как бешеное. Удары с силой толкали мою ладонь. Внутри неё сейчас всё взрывалось — от злости, от паники, от моей удушающей близости.

— Твой пульс зашкаливает за сотню, Тая, — прошептал я, глядя, как на её щеке бьётся мелкая жилка. — Ложь всегда выдаёт себя через тело. Признайся. Тебе ведь до безумия нравится скорость. Нравятся мотоциклы. Ты и есть Тайфун.

Ещё секунда — и любая другая сломалась бы. Но Царёва резко, с силой выдернула руки из моего захвата и развернулась ко мне лицом, упираясь ладонями в крыло машины. Между нами оставались жалкие сантиметры. Она тяжело дышала, её щеки горели, но она упрямо, со злостью вскинула подбородок и посмотрела мне прямо в глаза.

— Мой пульс скачет исключительно от того, Артур Владимирович, что мой генеральный директор грубо нарушает технику безопасности, лезет под руку и мешает мне крутить гайки! — выдала она со звонкой, ледяной яростью. — Любая девушка испугается, если к ней со спины так подкатывать. А мотоциклы я вообще презирает! На них ездят тупые самоубийцы, которые калечат себя и портят чужие машины. Я чиню автомобили. Это моя работа. Так что отойдите от меня и дайте мне её закончить!

Она стояла, тяжело дыша, и в её глазах полыхал такой яростный пожар, который окончательно убедил меня: передо мной сильный, опасный и чертовски азартный противник. Она не признается. Ни под какими пытками.

Я медленно отступил на шаг, усмехаясь и поднимая руки в примирительном жесте.

— Как скажешь, Царёва. Техника безопасности — это святое. Собирай машину. Завтра — первый выезд.

Глава 7

После вчерашнего тактильного допроса в боксе у меня до сих пор горели запястья. Демидов играл грязно. Он давил авторитетом, деньгами, своей удушающей близостью, но самое паршивое — он заставил моё сердце предательски колотиться. И вовсе не от страха перед его миллионной сметой. Когда его губы находились в паре сантиметров от моей шеи, внутри всё взрывалось от дикой, злой химии. Но я выстояла. Я выплюнула ему в лицо свои фальшивые оправдания, и теперь пути назад не было.

К двенадцати дня Pagani была полностью готова. Новая титановая подвеска блестела заводской краской, углы схождения были выверены мной до сотой доли миллиметра, а мотор кастомного суперкара тихо и ровно урчал на холостых оборотах.

— Ну что, Царёва, — раздался от дверей бокса ледяной, уверенный голос.

Артур Владимирович вошёл, на ходу застёгивая манжеты белоснежной рубашки. Сегодня он снова был при полном параде — дорогой костюм, идеальная укладка, ни капли мазута. Настоящий хозяин жизни.

— Машина готова к тест-драйву, Артур Владимирович, — бодро отрапортовала я, вытирая руки ветошью и стараясь смотреть куда угодно, только не на его губы. — Геометрия восстановлена, узлы откалиброваны. Можете проверять.

— Мы проверим её вместе, — Демидов подошёл к водительской двери и открыл её, сделав мне приглашающий жест рукой. — Занимай пассажирское кресло, Тая. Ты лично отвечаешь за этот ремонт, а значит, поедешь со мной и будешь на слух ловить малейшие шумы в подвеске.

У меня внутри всё перевернулось. Ехать с ним в замкнутом пространстве двухместного суперкара после вчерашнего?

— Я могу провести диагностику со сканером на подъёмнике... — попыталась я соскочить, но Демидов прервал меня коротким, жёстким взглядом.

— Это приказ генерального директора, Царёва. Садись в машину.

Зубы скрипнули так, что едва не раскрошились. Я швырнула тряпку на верстак, обошла Pagani и забралась в низкое, облегающее кожаное кресло. Салон пах дорогой кожей, углеволокном и его умопомрачительным парфюмом. Дверь-крыло с глухим стуком захлопнулась, отрезая нас от остального мира.

Артур сел рядом, повернул ключ, и за нашими спинами яростно взревел шестилитровый V12. Этот звук заставил Тайфуна внутри меня мгновенно поднять голову. Подвеска — это хорошо, но как же мне хотелось самой пересечь за этот руль и выжать из этой итальянки все соки!

Мы плавно выехали с территории «DC Tuning». Первые километры по городским улицам Демидов шёл на удивление спокойно, словно усыпляя мою бдительность. Он молчал, лишь изредка бросая на меня быстрые, сканирующие взгляды через зеркало заднего вида.

Но стоило нам пересечь МКАД и выехать на платную скоростную трассу в сторону области, как правила игры резко изменились.

Артур резко переключил селектор передач в режим «Race». Панель приборов вспыхнула агрессивным красным светом. И в следующую секунду он с силой вдавил педаль газа в пол.

Pagani буквально прыгнула вперёд. Меня с огромной силой вдавило в кожаное сиденье, а звук мотора перерос в оглушительный, первобытный рёв. Скорость на цифровом спидометре замелькала с бешеной быстротой: 120... 160... 200... 240 километров в час! Трасса превратилась в размытую серую полосу, а попутные машины казались стоящими на месте.

Демидов перестраивался из ряда в ряд резко, агрессивно, на грани фолла, намеренно закладывая крутые виражи, чтобы проверить работу новой подвески и... мою реакцию. Обыч-

ная девчонка-механик на моём месте уже визжала бы от ужаса, судорожно цепляясь за поручни и умоляя остановиться.

Но я была Тайфуном. Скорость была моей родной стихией, моим кислородом.

Вместо того чтобы паниковать, моё тело сработало на чистых, годами выработанных гоночных рефлексх. При каждом резком повороте я подсознательно группировалась, смещая центр тяжести, и краем глаза оценивала траекторию заноса суперкара. Мой взгляд был прикован не к спидометру, а к дороге — я просчитывала дорожную обстановку на три шага вперёд, точно зная, где Артур совершает ошибку в управлении и слишком рано открывает газ на выходе из дуги.

— Ну как тебе подвеска, Царёва? — громко, перекрывая рёв двигателя, спросил Демидов.

Он повернул голову ко мне. На его лице играла опасная, торжествующая улыбка. Он был уверен, что ломает меня этой скоростью, выбивая признание.

Я повернулась к нему. В моих глазах не было ни капли страха. Наоборот — адреналин ударил в голову, и на моих губах сама собой появилась дерзкая, вызывающая улыбка Тайфуна.

— Левый передний рычаг отрабатывает идеально, Артур Владимирович! — выкрикнула я, глядя ему прямо в глаза на скорости под триста километров в час. — Но если вы продолжите так сильно заваливать машину вправо при перестроении и не дожимать тормоз перед апексом, мы сорвём заднюю ось в неуправляемый занос! Вы перегружаете корму!

Демидов резко нажал на тормоз, и Рaгaни, послушно осаживая кузов, сбросила скорость до вполне легальных ста километров, плавно перестраиваясь на обочину.

Машина замерла. Артур заглушил двигатель. В салоне повисла оглушительная, давящая тишина, нарушаемая только тихим пощёлкиванием остывающего глушителя.

Он медленно повернулся ко мне всем корпусом, положив руку на спинку моего сиденья. Его ледяные глаза горели опасным, торжествующим огнём. Ловушка захлопнулась.

— Перегружаю корму, значит? Не дожимаю тормоз перед апексом? — вкрадчиво, почти шёпотом переспросил он, приближаясь к моему лицу. — Обычный автомеханик, говоришь? Который всю жизнь чинил трактора в МАДИ, боится мотоциклов и никогда не сидел за рулём гоночного болида? Откуда у тебя эти термины, Тая? Откуда эта идеальная группировка тела при заносах?

Я мысленно вlepилa себе сокрушительную пощёчину. Адреналиновый кайф мгновенно испарился, оставив после себя липкий страх. Я снова выдала себя! Мой гоночный мозг работал быстрее, чем включился режим маскировки.

Но отступать было поздно. Я заставила свою улыбку стать приторно-вежливой, хотя внутри всё дрожало от злости.

— Артур Владимирович, я окончила инженерный факультет с красным дипломом, — ровно и чётко произнесла я, упираясь взглядом в его безупречный галстук. — Трасология, динамика автомобиля и теория управления транспортными средствами — это базовые предметы. Я изучала графики телеметрии гоночных машин на бумаге годами. Чтобы понимать, как ведёт себя подвеска в теории, не обязательно самой быть сумасшедшим гонщиком. Достаточно просто уметь думать головой.

Демидов молчал. Он сидел так близко, что я чувствовала жар его тела. Его взгляд медленно опустился к моим губам, затем снова поднялся к глазам. Он понимал, что я вру. Я понимала, что он понимает. Это была патовая ситуация. У него по-прежнему не было материальных улик, но моя легенда уже держалась на честном слове.

— Ты феноменально упряма, Царёва, — тихо произнёс он, и в его голосе впервые проскользнуло что-то похожее на мрачное уважение. — Но ты права в одном. Подвеску ты собрала идеально. Машина идёт как по рельсам. Возвращаемся в сервис.

Он завёл мотор, и мы поехали обратно. Я смотрела в окно на пролетающие мимо деревья и понимала: этот раунд я отбила, но Артур Демидов не остановится, пока не сожрёт меня целиком.

После этой сумасшедшей недели в компании Демидова мне жизненно необходимо было разгрузить мозг. Артур со своим тотальным контролем, проверками пульса и экстремальными тест-драйвами на Rapani закрутил гайки вокруг моей шеи до упора. Мне нужен был чистый, концентрированный адреналин, чтобы просто не сойти с ума.

Суббота, полночь. Самое время для того, чтобы серая мышка Тая Царёва исчезла, а на ночные улицы города вылетел Тайфун.

Я застегнула чёрный кожаный комбинезон, накинула куртку со светоотражающими черепами и водрузила на голову свой любимый шлем с кошачьими ушами. Мой Ducati Panigale глухо и мощно заурчал в темноте гаража, отзываясь на поворот ручки газа. Ну привет, моя прелесть. Соскучился?

Сегодня намечался неофициальный, но очень крупный заезд по ночному городу. Схема была классической для нашей тусовки, работающей как швейцарские часы: ребята из оргов на машинах перекрывают ключевой перекрёсток на Садовом в самый последний момент, буквально на пару минут, пуская поток побоку. Мы пролетаем точку, и улицу тут же открывают снова, пока ДПС даже не успевает сообразить, что произошло. Чистый расчёт, секунды на вес золота и огромный банк на кону. Парни скинулись знатно — сегодня на кону стоял чертовски жирный куш.

На старте у меня кровь закипела в жилах. Рядом ревели ещё штук семь заряженных спортов. Отмашка — и мы сорвались с места.

Город превратился в неоновый коридор. Скорость за двести, поток машин на проспекте кажется стоячей водой. Я шла третьей, ювелирно закладывая байк между бамперами попутков. На затяжном повороте перед тем самым Садовым парни из команды прикрытия уже выставили свои внедорожники на «аварийках», намертво блокируя полосы и создавая мгновенную, глухую пробку для гражданских. Для нас остался узкий коридор.

Я заприметила лазейку у самого отбойника, перещёлкнула передачу вниз и с диким, оглушительным рёвом прямоголка пролетела мимо зажатых в тиски автомобилей. Мельком, на долю секунды, среди стоящих в левом ряду машин мне показалось знакомое очертание дорогого представительского седана, но на такой скорости было не до разглядываний. Газ в пол, Ducati встаёт на заднее колесо, преодолевая перекрёсток, а позади нас парни уже убирают заграждения, снова открывая движение для матерящихся автомобилистов.

Финиш был назначен на набережной у старого речного вокзала. Я выжала из своего итальянца всё, что могла, практически ложась на бак. Последняя прямая, финишный створ из фаровских лучей — и я пересекаю черту первой, с отрывом в два корпуса!

— Да-а-а! Тайфун! Хороша, чертовка! — Дэн и остальные парни тут же облепили мой байк, когда я затормозила, сжигая заднюю резину в эффектном облаке белого дыма.

— Ну ты даёшь, кошка! Сорвала куш! Забирай банк, сегодня ты королева этой трассы! — мне в руки сунули увесистый пачку купюр в чёрном зип-пакете.

Я не стала снимать шлем, лишь приподняла зеркальный визор, жадно глотая прохладный ночной воздух и победно улыбаясь. Адреналин до сих пор вибрировал в каждой клетке тела. Напряжение всей недели испарилось.

И в этот самый момент, когда парни вокруг меня орали и поздравляли с победой, чья-то тяжёлая, уверенная ладонь по-хозяйски опустилась мне на плечо со спины.

— Попалась, дикая кошка, — раздался прямо над моим ухом ледяной, бархатный и до боли знакомый голос.

Внутри всё мгновенно оборвалось и покрылось инеем. Демидов.

Как он здесь оказался?! Видимо, это его я видела в той самой пробке на перекрытом перекрёстке, и этот упрямый индюк не поленился поехать следом за хвостом пролетевших байков, надеясь отыскать финиш и свою ночную кошмарницу. И нашёл-таки.

Я медленно повернулась к нему лицом, сидя на байке. Сквозь приоткрытый визор я видела его лицо — на нём играла торжествующая, хищная улыбка охотника, который наконец-то загнал свою добычу. Он смотрел на меня сверху вниз, уверенный в своей безоговорочной победе. Шах и мат, Царёва.

Я сделала глубокий вдох, подавила панику и включила режим максимальной, непробиваемой наглости.

— Не, дядя, вы ошиблись, — лениво, растягивая слова и намеренно меняя интонацию на более развязную, ответила я, глядя на него сквозь стекло.

Улыбка Артура на мгновение замерла. На его породистом лице отразилось секундное замешательство.

Рядом тут же насупились мои знакомые байкеры. Дэн и ещё парочка крепких парней шагнули вперёд, отесняя Демидова от моего мотоцикла. На Рублёвке он, может, и был богом, но здесь, на ночной набережной среди сотни злых стритрейсеров, его дорогой шмот не стоил и цента.

— Слышь, чучело в костюме, проблемы какие-то? — грубо спросил Дэн, смерив Артура недобрый взглядом. — Ты кто вообще такой? Тайфун, ты знаешь этого золотого кошелька?

Я медленно, совершенно невозмутимо покачала головой в шлеме, даже не моргнув.

— Вообще понятия не имею, кто этот, парняга, — хладнокровно соврала я, глядя прямо в расширившиеся от ярости глаза Демидова. — Мужчина, вы адресом ошиблись. Шли бы вы отсюда, пока спойлер на вашей тачке не пострадал.

И тут Артура бомбануло знатно.

Надо было видеть его лицо в этот момент. Его идеальная маска хладнокровного, контролирующего всё аристократа разлетелась в мелкие щепки. На скулах с такой силой заходили желваки, что казалось, у него сейчас зубы треснут, а в глазах полыхнула такая дикая, первобытная ярость, что мне на секунду захотелось дать по газам. Его только что не просто развели как мальчишку — его публично, на глазах у всей уличной тусовки, опустили, назвав «дядей» и сделав вид, что он пустое место.

— Царёва... — процедил он сквозь зубы с такой леденящей душу угрозой, что у меня мурашки по спине побежали. Его пальцы на моём плече сжались до боли.

— Э, руки убрал! — Дэн резко толкнул Артура в грудь, разрывая захват. — Тебе русским языком сказали: проваливай, пока цел!

Артур тяжело дышал, его кулаки сжались так, что побелели костяшки, а взгляд обещал мне долгую и изощрённую расправу на следующей рабочей смене. Но лезть в драку против толпы байкеров он не стал — слишком умён для этого.

— Мы ещё поговорим, — тихо, но так, чтобы слышала только я, пообещал Демидов.

Он резко развернулся и быстрыми, размашистыми шагами пошёл к своей машине, припаркованной неподалёку.

Я смотрела ему вслед, чувствуя, как адреналин мешается с диким страхом перед понедельником. О да, в понедельник в сервисе будет настоящий ад. Но сегодня... сегодня куш был мой, и я умыла его во второй раз. Посмотрим, чья возьмёт, дядя Артур.

Глава 8

В воскресенье я не жила — я существовала. Мысль о том, что завтра мне придётся явиться в «DC Tuning» и посмотреть в глаза разъярённому Демидову, висела над душой сто-тонным прессом. В субботу на набережной я, конечно, знатно оттопталась по его эго, но теперь за это кулинарное достижение предстояло расплачиваться. Самое паршивое — он ведь назвал меня по фамилии прямо там, при пацанах. А значит, он уверен на все сто, даже если я продол- жаю включать глухую несознанку.

К восьми утра понедельника я зашла в бокс. Сердце колотилось где-то в районе горла. Переодеваясь в серую робу и затягивая шнурки на дубовых Костиных берцах, я морально гото- вилась к тому, что на выходе меня встретит либо наряд полиции, либо приказ об увольнении по статье.

Но реальность оказалась куда изощрённее.

— Царёва! К генеральному, срочно! — Вадим Николаевич влетел в седьмой бокс, блед- ный как смерть. Управляющего трясло так, словно он лично разбил ещё одну Pagani. — Он приехал полчаса назад. Злой как чёрт. Сказал, без тебя к нему не входить. Тая, ради бога, что ты опять натворила?

— Всё нормально, Вадим Николаевич. Рабочие моменты, — глухо отозвалась я, швыряя гаечный ключ на верстак.

Я шла по коридору второго этажа, и каждый шаг давался мне с трудом. Толкнув тяжёлую дубовую дверь кабинета генерального, я зашла внутрь и аккуратно прикрыла её за собой.

Артур Владимирович стоял у панорамного окна спиной ко мне. Без пиджака, в одной чёрной рубашке с небрежно закатанными рукавами. По замершей, монолитной фигуре было понятно — он не спал. Стоило двери щёлкнуть, как он медленно, со смаком повернулся.

Если в субботу на гонках его глаза горели дикой яростью, то сейчас в них застыл по- настоящему пугающий, арктический лёд. Идеальная маска контроля вернулась на место, но воздух в кабинете мгновенно стал удушающим.

— Заходи, Царёва. Присаживайся, — тихо, с обманчивой мягкостью произнёс он, кивая на кожаное кресло напротив стола.

— Я постою, Артур Владимирович. Работы в боксе много, — ровно ответила я, упрямо вскидывая подбородок и скреживая руки на груди.

Демидов медленно пошёл вокруг стола, сокращая расстояние между нами. Он двигался бесшумно, как хищник, который никуда не торопится, потому что жертва уже заперта с ним в одной клетке. Он остановился в полушаге от меня. Настолько близко, что я снова почувство- вала его парфюм, который теперь стойко ассоциировался у меня с опасностью.

— «Дядя, вы ошиблись», значит? — вкрадчиво, почти интимно прошептал он, наклоня- ясь к самой голове. От его низкого голоса у меня по коже побежали мурашки, а сердце преда- тельски ускорило ход. — «Понятия не имею, кто это». Ты хоть понимаешь, Царёва, какую глу- пость совершила? Ты устроила цирк перед толпой своих малолетних стритрейсеров. Думала, если на тебе шлем, то ты бессмертна? Ты ведь лично разбила мою Pagani, а теперь бегаешь от меня по ночным помойкам.

Я сделала глубокий вдох. Никаких эмоций. Никаких лишних слов. Я заставила свой голос звучать максимально равнодушно, глядя прямо перед собой, в пуговицу на его рубашке:

— Я не понимаю, о чём вы, Артур Владимирович. Я все выходные провела дома, отсы- палась после тяжёлой рабочей недели. Если к вам ночью приставала какая-то неадекватная байкерша, то при чём тут я? Мало ли в Москве сумасшедших на мотоциклах. Вы путаете меня с кем-то другим.

Артур резко, без предупреждения перехватил мои запястья, разрывая мой защитный замок из рук, и с силой прижал их к стене рядом с окном. Я даже пикнуть не успела, как оказалась полностью заблокирована его телом. Его пальцы стальными тисками сжали мою кожу, прямо там, где он в прошлый раз замерял мой бешеный пульс.

— Хватит. Мне надоело это враньё, Тайфун! — выплюнул он мне в лицо, и в его глазах снова на секунду проснулся тот самый субботний пожар. — Ты можешь отрицать это сколько угодно, стоять здесь с каменным лицом, но твою гордую посадку головы и эту кошачью наглость я не перепутаю ни с чем.

Я попыталась дёрнуться, но он навалился сильнее, практически прижимая меня к стене. Между нашими губами оставалось всего несколько сантиметров. Наша злая, бешеная химия сейчас искрила так, что, казалось, обои на стенах начнут плавиться. Но я упрямо продолжала смотреть ему прямо в глаза, не сдавая позиций:

— Отпустите меня! Вы не имеете права! У вас нет ни одной улики против меня. Ни одной записи с моим лицом, ни одного доказательства. Если бы у вашей хваленной службы безопасности было хоть что-то, кроме ваших личных фантазий, я бы уже сидела в отделе, а не стояла здесь. Вы беситесь просто потому, что вас кто-то умыл на дороге, и теперь вы пытаетесь выместить злость на мне! Обычный автомеханик у вас во всём виноват!

Демидов замер. Мои слова попали точно в цель, пробив его безупречную броню. Его дыхание стало тяжёлым, а взгляд опустился к моим губам, которые сейчас дрожали от ярости и адреналина. На мгновение мне показалось, что он сейчас либо задушит меня, либо поцелует — настолько диким было напряжение между нами.

— Да, Царёва. Улик у меня нет, — тихо, с какой-то опасной, предвкушающей усмешкой ответил он, медленно ослабляя хватку на моих запястьях, но не отходя ни на сантиметр. — Пока нет. Но ты права — я по-настоящему взбешён. И поскольку ты отказываешься признаваться по-хорошему, правила игры снова меняются. С сегодняшнего дня ты уволена из штата «DC Tuning».

У меня внутри всё рухнуло. Уволена? Без работы в этом сервисе я лишалась всего — и нормального заработка, и, главное, легального доступа к автомобилям такого уровня, как Pagani. А ведь машины были моей жизнью.

— Но ты не уходишь отсюда, — продолжил Артур, и его улыбка стала откровенно хищной. — Ты переходишь на другую должность. Моего личного помощника. С полным ненормированным рабочим днём. Ты будешь ездить со мной на все встречи, контролировать мой автопарк и находиться рядом двадцать четыре часа в сутки. Пока ты не совершишь одну-единственную ошибку, Царёва. А ты её совершишь, раз уж ты у нас такая «невинная». И тогда я заберу у тебя всё. Включая твой Ducati.

Я смотрела на него и понимала, что попала в самый изощрённый ад, который этот монстр мог для меня придумать. Он не смог выбить из меня признание, поэтому решил запереть меня рядом с собой, чтобы медленно, день за днём, ломать мою оборону.

— Я могу отказаться, — тихо сказала я, сжимая кулаки.

— Можешь, — легко согласился Демидов, отступая наконец на шаг и возвращаясь к своему столу. — Но тогда прямо сегодня ты вылетаешь отсюда с волчьим билетом, а все официальные дилеры и кастомные мастерские Москвы получают мою личную рекомендацию никогда не брать на работу девицу по фамилии Царёва. Я закрою для тебя все приличные боксы в этом городе. Выбирай, Тая. Либо ты играешь по моим правилам, либо твой Тайфун окончательно утихнет.

Я стояла посреди кабинета, тяжело дыша. Он перекрыл мне все выходы. Но внутри меня, глубоко под серой робой автомеханика, уже поднималась новая волна чистой, упрямой злости. Раз он хочет поиграть в кошки-мышки — поиграем. Я до конца буду изображать послушного секретаря, и хрен он от меня чего дожждётся.

— Во сколько начинается рабочий день личного помощника, Артур Владимирович? — ленивым, холодным тоном спросила я.

Демидов посмотрел на меня, и в его глазах промелькнуло мрачное, хищное торжество.

— В восемь утра, Царёва. Завтра жду тебя здесь. И смени наконец эти ужасные берцы на что-то более соответствующее твоему новому статусу.

Вторник начался с тихого, концентрированного мата перед зеркалом.

Мой привычный гардероб, состоящий из безразмерных худи, потёртых джинсов, кожаных курток и тяжёлых берцев, был задвинут в самый дальний угол шкафа. Демидов хотел личного помощника? Он его получит. Но чего мне стоило отыскать в закромах единственное строгое платье-футляр глубокого синего цвета и откопать чёрные лодочки на шпильке — история умалчивает. Слава богу, фигура после многолетних тренировок на треке и таскания тяжёлых деталей в сервисе была идеальной, так что платье село как влитое. Посмотрев на свои ладони с едва заметными шрамами от сорвавшихся ключей, я вздохнула, нанесла лёгкий макияж и завязала волосы в тугой, безупречный хвост.

В восемь утра ровно я переступила порог приёмной «DC Tuning». Мои шпильки непривычно и громко цокали по мраморному полу.

Демидов уже был на месте. Дверь в его кабинет была приоткрыта. Я глубоко вдохнула, мысленно приказала Тайфуну внутри меня сидеть тихо и не отвечивать, и зашла внутрь.

Артур сидел за столом, просматривая какие-то документы на планшете. Услышав стук каблучков, он медленно поднял голову. На долю секунды его взгляд замер, полыхнув совершенно нерабочим, мужским интересом. Он скользнул глазами от моих открытых ключиц, вниз по приталенному силуэту платья, задержался на ногах и вернулся к лицу. Но маска безразличия вернулась на его лицо слишком быстро.

— Доброе утро, Артур Владимирович. Я готова к работе, — ровно произнесла я, остановившись перед его столом.

— Доброе утро, Царёва, — на его губах появилась та самая каверзная, предвкушающая усмешка. — Вижу, ты умеешь следовать дресс-коду, когда захочешь. Берцы, конечно, шли тебе больше, но так ты хотя бы похожа на человека, которого можно показать моим деловым партнёрам.

Я мысленно досчитала до десяти. Спокойно, Тая, он просто провоцирует тебя. Включай послушную дурочку.

— Рада, что вам нравится, шеф. С чего начнём? — приторно улыбнулась я.

— Начнём с того, в чём ты, как ты утверждаешь, так хорошо разбираешься. С документов, — Артур пододвинул ко мне три толстые папки с договорами. — Это контракты на поставку кастомных обвесов из углеволокна от наших итальянских партнёров. Предыдущий помощник допустил там кучу ошибок в логистических терминах и спецификациях материалов. Ты ведь у нас инженер с красным дипломом? Вот и переведи это с юридического на технический. Мне нужен подробный отчёт к одиннадцати часам.

Он явно рассчитывал, что я сломаюсь на первой же бюрократической задаче. Но Демидов забыл одну деталь: в МАДИ нас драли за неправильно оформленные спецификации так, что ночные гонки казались детским садом.

— Будет сделано, — я забрала папки, развернулась на каблуках, едва не подвернув лодыжку с непривычки, и вышла в приёмную.

Следующие три часа превратились в личный ад. Настоящая помощница Демидова, Марина, косилась на меня как на врага народа, подсовывая текущие звонки, пока я зарывалась в графики поставок, калибровку деталей и таможенные пошлины. Мои пальцы, привыкшие держать тяжёлый гайковёрт, теперь судорожно стучали по клавиатуре. Несколько раз мне безумно хотелось швырнуть этот ноутбук в стену, послать Демидова к чёрту, переодеться в

робу и уйти в свой седьмой бокс чинить какой-нибудь понятный и честный Mercedes. Но образ его торжествующей физиономии заставлял меня стискивать зубы и копать дальше.

В 10:55 я зашла к нему в кабинет и положила на стол аккуратно распечатанный, сшитый отчёт.

— Всё готово, Артур Владимирович. В третьем пункте итальянцы завысили стоимость композитов на восемь процентов, прикрываясь внутренним налогом, а в спецификации подвески указали не те маркеры прочности сплава. Я всё исправила и пересчитала.

Демидов удивлённо приподнял бровь. Он взял отчёт, пробежал глазами по строчкам и... на его лице отразилось разочарование. Я снова не дала ему повода для придиорок.

— Хвалю, Царёва. Можешь, когда хочешь, — медленно произнёс он, вставая из-за стола и накидывая на плечи пиджак. — А теперь собирайся. Через полчаса у меня важная встреча в ресторане в центре. Приехал глава крупной юридической фирмы «Громов и Партнёры» — Максим Громов. Будем обсуждать обслуживание его личного автопарка. Ты едешь со мной. Будешь вести протокол встречи.

У меня внутри всё похолодело. Тот самый Громов? Который отлично знает цену законам, юридическим деталям и контрактам?

— Но я ведь ещё не до конца разобралась с почтой... — попыталась я отыскать предлог.

— Почта подождёт, Царёва, — Артур подошёл ко мне вплотную, заставляя меня отступить к двери, и тихо добавил, заглядывая в глаза: — Мне нужно, чтобы мой новый помощник всегда был под рукой. Особенно на встречах с людьми, которые умеют считать чужие убытки. Идём.

Глава 9

Ресторан в центре дышал пафосом и безумными деньгами. Белоснежные скатерти, приглушённый звон хрусталя и официанты, передвигающиеся с грацией придворных лакеев. Я чувствовала себя здесь как деталь от трактора, случайно попавшая в часовой механизм швейцарского хронометра. Шпильки нещадно давили, а облегающее синее платье казалось слишком тесным, особенно под пристальным взглядом Артура, который всю дорогу в машине молчал, изучая меня из-под полуприкрытых век.

Максим Громов уже ждал нас в VIP-зоне. Известный, жёсткий адвокат, глава огромной конторы «Громов и Партнёры». На нём был безупречный серый костюм, а на безымянном пальце поблёскивало обручальное кольцо. Его брак с Адой был громким событием, но сейчас, глядя на этого собранного, опасного мужчину, я думала только об одном: лишь бы он меня не узнал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.